

Ray
Ray Bradbury

rocketbook

РЭЙ БРЭДБЕРИ

Темный карнавал

Pocket book (Эксмо)

Рэй Брэдбери
Темный карнавал

«ЭКСМО»

1947

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Сое)-44

Брэдбери Р. Д.

Темный карнавал / Р. Д. Брэдбери — «Эксмо», 1947 — (Pocket book (Эксмо))

ISBN 978-5-04-173800-6

Настоящая книга поистине уникальна — это самый первый сборник Брэдбери, с тех пор фактически не переиздававшийся, не доступный больше нигде в мире и ни на каком языке уже несколько десятков лет! Отдельные рассказы из «Темного карнавала» (в том числе такие классические, как «Странница» и «Крошка-убийца», «Коса» и «Дядюшка Эйнар») перерабатывались и включались в более поздние сборники, однако переиздавать свой дебют в исходном виде Брэдбери категорически отказывался. Перевод Марины Воронежской оригинального сборника Рэя Брэдбери 1947 года.

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-173800-6

© Брэдбери Р. Д., 1947

© Эксмо, 1947

Содержание

The Homecoming	6
Skeleton	19
The Jar	31
The Lake	42
The Tombstone	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Рэй Брэдбери

Темный карнавал

© М. Воронежская, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

The Homcoming Праздник Возвращения

– Вон они, – сказала лежащая на кровати Сеси.
– Где они? – выкрикнул Тимоти, еще стоя в дверях.
– Кто-то над Европой, кто-то над Азией, кто-то над островами, кто-то над Южной Америкой! – торопливо, одними губами прошептала Сеси.

Она лежала на спине – лицо ее было неподвижно, глаза закрыты, длинные темные ресницы слегка подрагивали.

Тимоти шагнул на грубый дощатый пол ее комнаты.

– И кто там?

– Дядя Эйнар и Дядя Фрай, еще Кузен Уильям, еще вижу Фрульду, Хельгара и Тетю Моргинанну, Кузину Вивиан и... Дядю Иоганна! Они приближаются, и довольно быстро.

– Они летят по воздуху? По небу? – громко восклицал Тимоти, хотя уже стоял рядом с кроватью.

Его серые глаза блестели, и выглядел он ровно на свои четырнадцать. На улице дул ветер, уже стемнело, и дом освещали только звезды.

– По воздуху, по земле – по-всякому, – сквозь сон проговорила Сеси, которая лежала неподвижно и пересказывала все, что ей виделось в мыслях, – Сейчас вижу, как какое-то существо, похожее на волка, переходит по мелководью темную реку, над самым водопадом, шкура у него блестит под звездами. Теперь вижу бурый дубовый лист, как его ветром уносит в небо. А вон летит маленькая летучая мышь. А там... еще какие-то существа, в лесу, их много, они бегут под деревьями, и внутри деревьев, в самом верху, продираются между веток... Все спешат сюда!

– А они точно доберутся до нас завтра к вечеру? – Тимоти вцепился рукой в простыню. – Они точно успеют к Празднику Возвращения? – Когда он наклонился к сестре, с его ладканы свесился паук, который начал раскачиваться туда-сюда, как будто исполнял какой-то танец.

– Да, Тимоти, да. – Сеси нетерпеливо вздохнула и замерла. – Не расспрашивай меня больше. И давай уже, иди. Я хочу немного пройтись по любимым местам.

– Спасибо, Сеси. – Тимоти вышел в холл и побежал к себе.

Надо было срочно застелить постель. Он проснулся совсем недавно, с заходом солнца. И, как только взошли первые звезды, сразу побежал к Сеси, чтобы она помогла ему справиться с наплывом чувств по поводу предстоящего праздника. Теперь-то она уже совсем крепко спит, от нее не слышно ни звука.

Пока Тимоти умывался, паук набросил на его тонкую шею серебристое лассо.

– Ты только подумай, Спид, уже завтра вечером – канун Всех Святых!

Тимоти выпрямился и посмотрел в зеркало. Зеркало в его комнате было единственным официально разрешенным зеркалом во всем доме. Право на него Мама уступила ему исключительно «по болезни». А что в итоге? Одно сплошное расстройство! Тимоти открыл рот и в очередной раз увидел там мелкие, убогонькие зубки, которыми наградила его природа. Какие-то бобовые зернышки, а не зубы, – круглые, тусклые, худосочные. Клыки вообще никуда не годятся! Настроение у него разом упало.

На улице было уже совсем темно, и Тимоти зажег свечу. Он чувствовал себя совершенно разбитым. Всю прошлую неделю семья жила по старинке: днем – сон, а на закате – будь добр вставай и делай дела. Вон даже синяки появились под глазами.

– Я дефективный, Спид, – прошептал он маленькому существу, – даже просто привыкнуть спать днем, как все, и то не могу...

Он поднял свечу повыше. Эх. Вот если бы у него были мощные зубы с резцами, острыми, как шипы. Или мощные руки. Или мощный ум. А еще лучше, если бы он мог высылать свой разум куда угодно, как Сеси, – лежа в мягкой постели и даже не просыпаясь... Но нет, он дефективный. У него болезнь. Он даже темноты боится, свечку из рук не выпускает. Братья смеются над ним. И Бион, и Леонард, и Сэм. Им смешно, что он спит в кровати. Как Сеси. Но с ней-то все понятно – ей кровать нужна, чтобы отправлять разум из тела на охоту, для этого требуется комфорт. Но Тимоти – он-то почему не спит в красивом полированном гробу, как все нормальные люди? И с какой это стати Мать разрешает ему иметь собственную кровать, собственную комнату, собственное зеркало! Неудивительно, что вся семья шарахается от него, как от распятия Христова. Эх. Вот если бы у него из лопаток выросли крылья... Тимоти обнажил спину, взгляделся в нее и с горечью вздохнул. Нет. Этого не будет. Никогда.

Снизу доносились всякие волнующие и таинственные звуки. На стенах, на потолке, на дверях шуршали черные гирлянды. Вдоль перил лестницы поднимался запах горящих черных свечей.

Послышался Мамин голос – высокий и решительный. И голос Папы – эхом из сырого подвала. А это Бион прошел где-то под окнами их старого загородного дома, он тащит огромные двухгаллонные¹ бидоны, и они булькают при каждом шаге.

– Надо идти на праздник, Спид, – сказал Тимоти.

В ответ паук закружился на конце свой шелковой нити, и Тимоти вдруг остро осознал свое одиночество. Потому что... делаешь все, делаешь – полируешь гробы, приносишь поганки и пауков, вешаешь гирлянды... А как сам праздник начинается – так ты уже никому не нужен. Чем меньше народу увидит дефективного сыночка – тем лучше. Меньше будет разговоров.

Внизу Лора с радостными криками носилась по всему дому: «Праздник Возвращения! Праздник Возвращения!» Казалось, ее шаги звучали везде сразу.

Тимоти еще раз прошел мимо комнаты Сеси – она все так же спала. Она всегда спит. Спускается вниз раз в столетие. Сеси, Сеси... Вот бы спросить ее: «Где ты сейчас, Сеси? В ком? Что у тебя происходит? Ты за холмами? Как там все вообще?» Но вместо этого Тимоти заглянул в комнату к Эллен.

Эллен сидела за столом и сортировала богатства, собранные во время работы мастером по маникюру: волосы всех цветов (светлые, рыжие, темные) и обрезки ногтей. Она работала в салоне красоты в Меллин-Тауне, примерно в пяти милях² от дома. В углу комнаты стоял добротный гроб из красного дерева с ее именем.

– Иди отсюда, – сказала Эллен, даже не взглянув на него, – невозможно работать, когда ты стоишь над душой.

– Ну, канун же Всех Святых, Эллен! – сказал Тимоти, пытаясь быть дружелюбным, – ты только подумай!

– И что? – Она складывала обрезки ногтей в маленькие белые мешочки и подписывала их. – Тебе-то что с этого? Только перепугаешься до смерти. Иди лучше спать.

Его щеки вспыхнули от возмущения.

– А кто будет полировать гробы, работать и помогать?

– Так. Если ты сейчас же не уйдешь, то завтра обнаружишь в своей постели дюжину сырых устриц, – голосом, не терпящим возражений, сказала Эллен. – До свидания, Тимоти.

В гневе он бросился вниз по лестнице и врезался в Лору.

– Смотри, куда идешь! – провизжала она сквозь сжатые зубы, из которых торчали гвозди с плоскими головками.

¹ 2 американских галлона = примерно 8 литров. – *Прим. пер.*

² 5 миль = около 8,5 км. – *Прим. пер.*

Она забивала их в двери и развешивала на них... акониты³ (уф, искусственные, ну и шуточки у нее)!

– Что, напугаем Дядю Эйнара? – крикнула она громко, чтобы все услышали.

И унеслась прочь. Тимоти побежал к распахнутой двери лестницы, ведущей в подвал, из которого поднимался густой дух сырой земли.

– Папа?

– Ты очень вовремя! – крикнул ему снизу Отец. – Давай быстрее сюда, не то все придут, а у нас ничего не готово!

Тимоти замешкался всего на несколько секунд – и услышал целый миллион звуков. Братья разговаривали, спорили, приходили, уходили – прямо как поезда на вокзале. Достаточно было просто постоять на одном месте, чтобы мимо тебя пробежал весь дом. И каждый что-нибудь тащил в бледных руках. Леонард – черный медицинский саквояж. Сэмюэль – пыльную книгу в черном переплете (такую огромную, что она едва помещалась у него под мышкой), плюс еще черную гирлянду. Бион (который сделал очередную ходку к фургону) втаскивал в дом все новые галлоны жидкости.

Отец отвлекся от полировки, и Тимоти получил от него тряпку, а заодно и неодобрительный взгляд.

– Вот этот натираем до блеска, – сказал он, хлопнув по огромному гробу из красного дерева, – а уж тогда переходим к следующему. Давай шевелись, не то так всю жизнь проспшишь.

Натирая поверхность гроба воском, Тимоти заглянул внутрь.

– Дядя Эйнар крупный мужчина, да, пап? – спросил он.

– Угу.

– А сколько в нем?

– Смотри по размеру ящика.

– Метра два? Больше?

– Много болтаешь.

Тимоти натер поверхность до блеска.

– А весит, наверное, все двести пять, – сказал он.

– Да хоть двести пятнадцать! – взорвался Отец.

– Не, двести пятнадцать – это с крыльями!

Отец пихнул его локтем.

– Смотри лучше, что делаешь! Не так надо, а вот так. Смотри!

Около девяти часов Тимоти вышел на октябрьский холодок (с его то теплым, то промозглым ветром) и два часа бродил по лугам, собирая пауков и поганки.

Проходя мимо фермерского дома, он сказал светящимся окнам: эх, знали бы вы, что творится сейчас у нас! Затем поднялся на холм и посмотрел на город, который засыпал за много миль отсюда, вместе с круглыми часами на церкви, что были видны даже издалека. Город тоже не знал!

Тимоти принес много банок с поганками и пауками. И в подвале (в часовне) была проведена короткая церемония: Отец возносил молитвы Темному, а красивые, цвета слоновой кости руки Матери двигались ему в ответ. Все дети были в сборе, за исключением Сеси, которая лежала в постели у себя наверху. Впрочем, Сеси не собиралась мириться с таким положением

³ Аконит – ядовитое растение (вид рода *Aconitum*, сем. Лютиковых – *Ranunculaceae*), имеющее древнюю историю и множество названий – борец, волчий корень, волкобой, царь-трава, черное зелье, козья смерть, шлемник, туфелька, синеглазка, прострел-трава, королева ядов и др. В мифах является непременным атрибутом богини Гекаты – повелительницы привидений и чудовищ, которая посылает людям ужасы и кошмарные сны, помогает в колдовстве и убийстве с помощью отравления. – *Прим. пер.*

дел. Было видно, как она выглядывает то из глаз Биона, то из глаз Сэмуэля, то из глаз Матери, то из... не успеешь оглянуться – а она уже в тебе. А теперь уже нет.

Изо всех сил втянув живот, Тимоти молился Темному: «Пожалуйста, ну пожалуйста, помоги мне вырасти, помоги мне стать похожим на моих братьев и сестер. Можно я просто буду таким же, как они? Если бы только я все это умел... Делать скульптуры из волос, как Эллен. Или всех в себя влюблять, как Лора. Или читать странные старые книги, как Сэм. Или работать на хорошей работе, как Леонард и Блон. Или (не сейчас, конечно) завести семью, как Мать и Отец...»

В полночь прибыли первые родственники!

Бабушка и Дедушка, прямиком из Старого света, очень веселые и приветливые. Просто сплошные приветствия!

После этого примерно раз в час кто-нибудь прибывал. Влетали через боковые окна, стукались в двери – то в парадную, то в заднюю. И это не считая шума из подвала, шорохов с чердака и свиста осеннего ветра в дымоходе... Мама наполнила жидкостью большую хрустальную чашу для пунша. Папа прошелся по всем комнатам и зажег еще больше свечей. Лора и Эллен приколотили к дверям еще несколько поддельных ведьминых цветков. А Тимоти стоял в эпицентре событий (с каменным лицом, вытянув по швам трясущиеся руки) и только успевал поворачивать голову – туда-сюда, туда-сюда! Все увидеть, ничего не пропустить! Каждый стук двери, каждый смешок в темноте, каждый бульк льющегося вина... А еще шум ветра, топот ног, бурные приветствия у дверей, дребезжание оконных стекол... И тени мелькают одна за другой, и кружатся, и исчезают, и опять...

Праздник начался!

Пять, десять, пятнадцать – уже целых тридцать человек! А будут еще шестьдесят!

– Так-так, а *это*, значит, Тимоти!

– А?

Чья-то холодная рука взяла его за руку. Над его лбом склонилось длинное бородатое лицо.

– Хороший, хороший парень, – сказал бородач.

– Тимоти, – сказала Мама. – Это твой Дядя Джейсон.

– Привет, Дядя Джейсон.

– Тимоти, племян, как-то ты не слишком весел и бодр.

– Да нет, нормально.

– Рад слышать это, мой мальчик. Выше нос. – Бородач ласково пихнул Тимоти в подбородок холодным кулаком.

– А вот *здесь* у нас... – сказала Мама, уводя Дядю Джейсона.

Дядя Джейсон оглянулся на Тимоти через плечо в плаще и дежурно подмигнул ему.

Тимоти остался стоять один.

Откуда-то издалека, через тысячу миль, из подсвеченной свечами темноты, донесся знакомый высокий голос – это была Эллен.

– А братишки-то мои до чего хитры, – говорила она, – угадайте, чем они сейчас занимаются, Тетя Моргинанна...

– Даже представления не имею.

– У них в городе свой морг.

– Да что вы!

Вздых.

– Морг? Вот это ход конем!

Пронзительный смех.

– Как удобно!

– Гениально!

Взрыв хохота.

Тимоти стоял не шелохнувшись.

Смех утих.

– И всех нас кормят, всю семью, – сказала Эллен.

– Да-да! Знаете ли вы, дорогая Тетя, как работают обычные санитары морга? – оживленно подхватила Лора.

Тетя Морганина не знала.

– Так вот, – по-научному начала Лора, – они вводят в тела серебряные иглы с красными резиновыми трубками и выкачивают кровь. Чтобы потом ввести консервант. А после этого... После этого обычные санитары смывают кровь в канализацию. Но только не Леонард и Бийон! Эти красавцы в четырехлитровых бидонах приносят ее домой. Для Мама с Папой и для всех нас. Ну, почти для всех. Тимоти же у нас...

В этом месте Тимоти вздрогнул.

– Не надо... – шепотом перебила Лору Мама.

– Тимоти у нас... – настойчиво повторила Лора.

Повисло напряженное молчание.

– Ну, и? Говори же. Что – Тимоти? – требовательно спросил Дядя Джейсон.

– Ох и язык у тебя, Лора, – вздохнула Мама.

Тимоти закрыл глаза.

– С Тимоти... не все в порядке, он не любит кровь. Неженка... – пояснила Лора.

– Научится он, – вступилась Мама, – дайте только время. Он мой сын – и он научится, – твердо сказала она, – ему всего четырнадцать.

– Но он должен вырасти на этом, – произнес голос Дяди Джейсона, переходя из одной комнаты в другую, на фоне звуков моросящего дождя и ветра, игравшего на деревьях за окном, как на арфах, – я рос на этом с детства... – и затих где-то в глубине дома.

Тимоти закусил губу и открыл глаза.

– Я сама виновата... – Теперь голос Мама перемещался в сторону кухни. – Я заставляла его, пыталась заставить. Но детей нельзя заставлять, это только вызывает у них тошноту и напрочь отбивает всякую охоту. Посмотри на Биона, он до тринадцати лет не пробовал кро... – Последнее слово потонуло в порыве ветра.

– Понятно, – пробормотал Дядя Джейсон, – Тимоти еще образумится.

– А я и не сомневаюсь! – с вызовом сказала Мама.

Черные тени проходили сквозь череду затхлых комнат, и от их движения огоньки свечей вздрагивали. Тимоти замерз. Почувствовав в ноздрях запах горячего сала, он инстинктивно схватил одну из свечей и стал ходить с ней по дому, делая вид, что поправляет гирлянды.

– Тимоти-и... – прошипел кто-то с придыханием за перегородкой, – ш-ш-што, бо-ишш-ся темноты-ы, Тимо-ти-и... – Это был голос Леонарда. Мерзкий Леонард! – Мамочка все Тимоти разрешает. Иногда она разрешает ему взять свечечку. Да. И они вместе ходят по лестнице. Вниз-вверх, вниз-вверх. Тимоти свечечку близко-близко держит. Для тепла, и чтобы серые глазки красиво блестели...

– Ну, нравятся мне свечи, тебе-то что? – шепотом огрызнулся Тимоти.

– Все у него наладится. Дети есть дети, – произнес голос Тети где-то в темноте столовой.

Больше шума, смеха и грома! Раскаты дикого хохота! Стуки, щелчки, крики, шуршание платьев и плащей! Влажный туман врывается в парадную дверь, как порох от выстрела пушки! Из тумана, расправив крылья, появляется высокий мужчина.

– Дядя Эйнар!

Тимоти пробрался на своих тощих ногах прямо сквозь туман, под зеленой паутиной теней – и бросился в объятия Дяди Эйнара. И Эйнар поднял его над землей! Тимоти был легкий, как пушинка.

– У тебя есть крылья, Тимоти! – крикнул он и подбросил мальчика в воздух. – Крылья, Тимоти! Лети!

Лица покатались куда-то вниз. Темнота поехала по кругу. Дом словно сдуло – Тимоти ощутил на себе этот ветер. Он только успел хлопнуть в воздухе крыльями, нет, руками, – как пальцы Эйнара поймали его и снова подбросили к потолку. Но потолка не было – он рухнул, как прогоревшая стена.

– Лети! Лети! – громко и властно кричал ему Эйнар, – на крыльях лети! На крыльях!

И Тимоти почувствовал эту упоительную агонию в лопатках, как будто в них проросли корни, что-то лопалось и взрывалось, превращаясь в длинные влажные перепонки! Он бес-связно лепетал что-то, а Дядя Эйнар снова швырял его ввысь! Лил дождь, порывы осеннего ветра срывали с крыши черепицу и сотрясали балки, приводя в смятение свечи на люстрах. И сто родственников всех форм и размеров зачарованно смотрели из всех комнат и из каждого уголка черной темноты, и сходились кругами туда, где Эйнар бросал ребенка, как марионетку, в ревушую вышину: «Бей крыльями! Взлетай!»

– Ну, все, достаточно! – крикнул наконец он.

Тимоти, который был бережно приземлен на деревянный пол, буквально падал от усталости и от восторга – и в итоге упал прямо на Дядю Эйнара.

– Дядя, Дядя, Дядя! – счастливо рыдал он.

– Отлично полетали, а, Тимоти? – Эйнар потрепал Тимоти по волосам. – Просто отлично.

Уже почти рассвело. К этому моменту прибыли почти все, и теперь, на рассвете, были готовы отойти ко сну. Им осталось только лечь, чтобы беззвучно и неподвижно проспать до следующего захода солнца, когда они выпрыгнут из своих гробов и продолжат пиршество.

Дядя Эйнар, а за ним и еще несколько десятков других гостей двинулись к подвалу. Мама проводила их вниз, где стоял плотный ряд отполированных гробов. Эйнар, за спиной которого были сложены крылья, похожие на тент цвета морской волны, двигался по холлу, присвистывая от любопытства. Его крылья то и дело задевали за стены и издавали звук, как будто кто-то тихонько бил в барабан.

Тимоти устало лежал у себя в комнате наверху и старательно пытался полюбить темноту. Ну да, в темноте можно делать много всего, и никто ничего тебе не скажет, потому что никто ничего не увидит. И он вообще-то любит ночь, ну такой, своеобразной любовью. Просто иногда ночи бывает так много, что прямо орать хочется от возмущения...

В подвале тем временем с прощальными жестами бледных рук опускались крышки из красного дерева. Некоторые родственники расположились по углам и (трижды обернувшись вокруг себя) улеглись, положили головы на лапы и закрыли глаза.

Солнце взошло. Сон обошелся без храпа.

Закат. Вы видели когда-нибудь, как «взрывается» потревоженное гнездо летучих мышей? Как все они разом вздрагивают и с визгом разлетаются? Примерно так же «взорвался» в подвале праздник. Крышки гробов со стуком распахнулись! Множество ног взметнулось вверх по ступенькам! А с парадного и с черного хода уже всю стучались и запускались внутрь опоздавшие извиняющиеся гости.

На улице шел дождь, и промокшие посетители сбрасывали на руки Тимоти свои сырые плащи и покрытые дождевыми каплями шляпы с вуалями. Он тут же относил их в кладовку сушиться, и они висели там, похожие на мумии летучих мышей. Толпа заполонила комнаты. Тимоти слышал смех одного из своих кузенов: этот смех вырвался из холла, отразился от стены гости-

ной, скрикошетил, сделал вираж и вернулся в уши Тимоти из четвертой комнаты, нисколько не потеряв своей циничности. За ним последовал целый залп хохота!

По полу пробежала мышь.

– Я узнал тебя, Племянница Лейберсроутер! – воскликнул Отец.

Мышь обежала три женские ступни и исчезла в углу. Через несколько мгновений в этом углу прямо из ничего возникла красивая женщина с ослепительной улыбкой.

Вдруг что-то приникло к залитому дождем кухонному окну. Тимоти казалось, что оно вздыхает, плачет, стучит и жалобно прижимается к стеклу, но, как ни вглядывался, он ничего не увидел. Он представил, что это он там, снаружи, стоит и заглядывает в дом. Вокруг него дождь и ветер, а там, внутри – уютная темнота с оранжевыми точками свечей. Там звучат вальсы, и высокие стройные фигуры парят и скользят под диковинную музыку. Отблески свечей звездами мерцают на бутылках. С бидонов падают налипшие комочки земли. Паук падает и бежит по полу, бесшумно перебирая ногами...

Тимоти вздрогнул. Он снова внутри, дома. Мама зовет его – беги туда, беги сюда, помоги здесь, обслужи там... А теперь на кухню – принеси то, принеси это, поставь тарелки, разложи еду, да осторожнее, не споткнись, сюда, сюда и вот сюда... Праздник, который происходит вокруг тебя – это совсем не то, что праздник, который происходит с тобой. Все эти высокие черные фигуры задевали его, толкали его локтями и не обращали на него никакого внимания.

В конце концов Тимоти отвернулся от всех и убежал по лестнице наверх.

Он стоял у кровати Сеси. На ее длинном узком белом лице не шевелился ни один мускул, оно было совершенно спокойно. И грудь – не поднималась и не опускалась. Но если прикоснуться – она была теплая.

– Сеси, – тихо позвал он.

Она отозвалась не сразу – только после «третьего звонка».

– Да, – почти не открывая рта, сказала она.

По голосу она была одновременно усталой, счастливой, мечтательной и далекой.

– Это я, Тимоти, – прошептал он.

– Я знаю, – помедлив, ответила она.

– Где ты сейчас, Сеси?

Он повторил свой вопрос дважды, и она ответила:

– Далеко, если отсюда – на западе. В Калифорнии. Я в Имперской долине, на Солтон-Си⁴. Здесь грязевые вулканы, пар и тишина. Я – жена фермера, сижу на деревянном крыльце. Смотрю, как медленно садится солнце.

– И как там, Сеси?

– Слушаю, как разговаривают грязевые вулканы, – медленно, как на проповеди в церкви, произнесла она, – пар выталкивает грязь наружу, и надуваются пузыри – они похожи на серые лысые головы, плавающие в горячем сиропе. Надуваются и лопаются, как резиновая пленка – как будто чмокают мокрыми губами. И оттуда выстреливают струйки пара. И пахнет серой и гарью. И древностью пахнет. Потому что здесь обитали динозавры. Целых десять миллионов лет.

– Они ведь уже того, да, Сеси? Динозавры?

Губы Сеси шевельнулись.

– Да, они того. Совсем того, – сказала она, сонно растягивая слова, при этом на ее лице двигался только рот. Больше ничего не двигалось – вся остальная Сеси была совершенно неподвижна. – Скажи, Тимоти, ты видел когда-нибудь, как опускается верх кабриолета? Это очень похоже на то, как здесь темнеет. Солнце садится в мелководье между горами – и как будто

⁴ Солтон-Си (англ. Salton Sea) – соленое озеро в области внутреннего стока на юге штата Калифорния, США. – Прим. пер.

стягивает следом за собой темное покрывало. Я прямо сейчас это наблюдаю, из головы этой женщины, сквозь дырочки в ее черепе. Мне все равно, как ее зовут. Я просто наслаждаюсь здесь тишиной. Море такое спокойное, неподвижное. Прямо пугающе неподвижное. И пахнет солью. Я ее вдыхаю. А надо мной в небе вышли первые звезды. И там, среди них плывут бомбардировщики и истребители. Очень похожие на птеродактилей с огромными крыльями. А чуть подальше из ямы торчит железная шея парового экскаватора – как будто металлический бронтозавр поднял голову, замер и смотрит вверх на летящих алюминиевых рептилий. Такие у меня тут доисторические штуки. И запахи. Доисторических блюд. И тишина, прямо удивительная тишина...

– И сколько ты пробудешь в этой женщине, Сеси?

– Пока не наслушаюсь, не насмотрюсь и не надышусь. И пока хоть как-то не изменю ее жизнь. Жить в ней – не то же самое, что жить где-нибудь еще в этом мире. Ее долина с деревянным домиком – это рассветный мир. Черные горы с трех сторон – на западе, на севере и на юге, а внутри – огромная мрачная долина. И две бетонные дороги вдоль моря, опустевшего после войны. На них, где-то раз в полчаса, появляется свет фар – когда проезжает какая-нибудь машина. А дальше опять смыкается темнота. Я весь день сижу на крыльце и смотрю, как движутся тени от деревьев, а потом соединяются и на закате превращаются в одну большую ночь. Я жду, когда муж вернется из города. Передо мной – берег и море, соленое и бесшумное. Иногда прыгнет рыба – сверкнет чешуей в свете звезд – и падает обратно. Долина, море, машины, крыльцо, кресло-качалка, я – и тишина.

– А сейчас что, Сеси?

– Я встаю, – сказала она.

– Да?

– Спускаюсь с крыльца к грязевым вулканам. У меня над головой пролетает еще один самолет, он шумит во всех направлениях, в которых вращаются винты. Они разрушают тишину, и их звук проникает в мои кости.

– А сейчас?

– Теперь я иду по дощатому настилу туда, где до войны стояли туристы, чтобы смотреть, как лопаются серые пузыри. Иду медленно, ноги стучат по доскам.

– А сейчас?

– А сейчас я стою в испарениях серы. Передо мной булькают пузыри. Кто-то пронзительно кричит. Это птица. Я теперь в птице! Я в ней лечу! У меня теперь новые глаза-бусинки, через них тоже что-то видно. Вижу женщину внизу, на дощатом настиле. Она делает шаг. И еще шаг, и еще. Туда, в грязевой вулкан! Слышу звук, как будто большой камень упал в вязкую глубину! Мое птичье тело продолжает летать и кружить, не обращая внимания на этот звук. Спускаюсь ниже, вижу белую руку с растопыренными пальцами, она похожа на паука, извивается и исчезает в луже серой лавы. Лава смыкается над ней. А сейчас я лечу домой, вот прямо сейчас! – Что-то толкнулось в окно, и Сеси разом открыла глаза – в них было столько счастья и восторга, что казалось, они светятся. – А сейчас я дома! – сказала она.

Сеси лежала на подушке, а глаза ее блуждали по сторонам. Наконец она увидела Тимоти.

– Ну как Праздник Возвращения – идет? – спросила она.

– Да, все там.

– А ты почему здесь? – Она взяла его за руку. – А? – Она прищурилась. – Ладно, давай, спрашивай. Ты ведь хотел что-то спросить? Для этого пришел?

– Да не хочу я ничего спрашивать, – сказал он. – Ну, то есть почти ничего... Нет, я хочу, Сеси! – И слова полились из него сплошным потоком. – Я хочу что-нибудь с этим сделать... я хочу что-то такое сделать на этом празднике, чтобы они все обратили на меня внимание. Я хочу... чтобы быть таким же, как они, чтобы они приняли меня к себе... Но я не могу ничего

такого сделать и чувствую себя совершенно по-дурачки. Сеси... Я подумал, а вдруг ты могла бы...

– Могла бы, – сказала она, закрыв глаза и улыбаясь где-то внутри себя, – встань прямо и не двигайся. – Он повиновался. – А теперь закрой глаза и отбрось все свои мысли.

Он встал очень прямо и постарался ни о чем не думать – или хотя бы подумать о том, что ни о чем не думает, хоть так.

Она вздохнула.

– Ну что, спускаемся, Тимоти?

И, как рука в перчатке, Сеси оказалась внутри него.

– Смотрите, вы все! – крикнул он.

С этими словами Тимоти поднял хрустальный стакан теплого красного вина. Это было вино, которое перегоняли вены, а мускулистые сердца, сокращаясь, прокачивали через мыслящие мозги.

Тимоти поднял свой стакан так высоко, что теперь весь дом смотрел только на него. Эй вы, тети, дяди, кузены, братья, сестры!

И выпил его весь до дна.

После этого он помахал рукой своей Сестре Лоре. Он выдержал ее взгляд, а потом что-то сказал ей – тихо, но таким голосом, что она впала в ступор и замолчала. Он шел к ней и чувствовал себя высоким, огромным, как деревья за окнами. Праздник приостановил свой водоворот и замер в ожидании. Из всех дверей выглядывали лица. Никто не смеялся. На лице Матери было написано изумление. Отец выглядел озадаченным, но было видно, как с каждой секундой его все сильнее переполняет гордость и удовлетворение.

Тимоти взял Лору за руки, и она не сопротивлялась ему – глаза ее словно остекленели. Он что-то сказал и осторожно откинул ее голову назад, обнажив длинную белую шею.

Осторожно потянулся к вене у нее на шее – и прикусил ее.

Пламя свечей пьяно покачнулось. Наверху, по крыше, прокатился порыв ветра. Родственники смотрели во все глаза, потом заходили с другой стороны – и снова смотрели.

Тимоти отпустил Лору, повернулся, сунул в рот поганки – заесть, проглотил, а потом хлопнул себя руками по бокам – и рванулся вверх.

– Смотри, Дядя Эйнар! Сейчас я, наконец-то, полечу!

Сейчас! Его руки потянулись сами собой... Ноги зашагали, раз, два... Промелькнули лица...

Еще даже не успев осознать, что он уже наверху лестницы, Тимоти услышал откуда-то снизу окрик Мамы:

– Тимоти, стой!

– Эгей! – крикнул Тимоти и прыгнул с самого верха, беспорядочно мотая руками!

В середине полета крылья, которые у него (как он думал) были, растворились. Тимоти закричал.

Дядя Эйнар поймал его на руки.

Тимоти был бледен, его трясло. И из губ его сразу же вырвался не принадлежащий ему голос:

– А это Сеси! А это Сеси! – пропищал голос. – Сеси! Милости прошу всех ко мне! Наверху, первая комната слева!

После этого голос принялся заливисто хохотать, а Тимоти тщетно пытался побороть этот смех губами и языком.

Все хохотали. Эйнар посадил Тимоти на пол. Как только толпа родственников потянулась наверх, в комнату Сеси, чтобы поздравить ее, Тимоти прорвался сквозь многолюдную темноту и распахнул входную дверь. Мама с тревогой окликнула его.

Еще один взмах крыльев – и обед отдан холодной земле.

– Я ненавижу тебя, Сеси, ненавижу!

Тимоти катался по сему в темном сарае и горько рыдал. Потом затих и просто лежал без движения. До тех пор, пока из кармана рубашки, из спичечного коробка, служившего ему убежищем, не выполз его паук Спид. Спид прополз вдоль всей руки Тимоти, затем обследовал его шею до уха, а потом влез в само ухо, чтобы пощекотать его изнутри.

Тимоти потряс головой.

– Ну, хватит, Спид. Не надо.

Когда робкое щупальце добралось до барабанной перепонки, Тимоти вздрогнул.

– Хватит уже, Спид! – Тимоти почти перестал рыдать.

Паук спустился по его щеке, занял позицию под носом, заглянул в ноздри, словно хотел разглядеть его мозг, а затем перелез на кончик носа, уселся там на корточки и уставился на Тимоти своими изумрудными глазами – и смотрел до тех пор, пока Тимоти не разобрал смех.

– Да уйди же ты, Спид!

В ответ паук спустился к его губам и в шестнадцать легких движений зигзагообразно заклеил ему рот серебряными нитями.

– Мммммм, – промычал Тимоти.

Зашуршав сеном, Тимоти приподнялся и сел. Земля светилась в лунном свете после дождя. Из дома доносилась приглушенная перебранка – там играли в «Свет мой, зеркальце». Для этой игры к стене ставили огромное зеркало. А затем в его темной мути с воплями выявляли тех, чьих отражений нет, не было и не будет никогда!

– Что будем делать, Спид? – Паутина на губах порвалась.

Спид свалился на пол и стремительно побежал к дому, но Тимоти поймал его и вернул в карман рубашки.

– Ладно, Спид. Пошли обратно. И будем веселиться, несмотря ни на что.

Когда Тимоти проходил мимо платана, сверху на него спланировал зеленый тент и придавил его к земле ярдами шелка.

– Дядя Эйнар!

– Тимоти... – Крылья расправились, вздрогнули и снова сложились с барабанным стуком.

Тимоти почувствовал, как Эйнар подхватил его чуть ли не одним пальцем и посадил к себе на плечо.

– Не расстраивайся, Племянничек. Каждому – свое, и каждый – за себя. Уж кто-кто, а ты в лучшем положении, поверь мне. Ты по-настоящему богат. Мы – что? Для нас мир уже мертв. Мы так много видели, что все слилось для нас в один цвет, и этот цвет – серый. Все лучшее, что может дать жизнь, – у вас, у тех, кто меньше прожил. Цена за унцию такой жизни выше, Тимоти, помни об этом.

Начиная с полуночи Дядя Эйнар таскал его по дому из комнаты в комнату, на ходу что-то напевая и пританцовывая. А потом прибыла целая орда опоздавших (состоящая из Прапрапрапрапрапрапрапрапрабабушки и еще примерно тысячи Прабабушек), и веселье вышло на новый виток. Главная Прапра была завернута в египетский саван и представляла собой рулон льняной ткани, обмотанной вокруг ее хрупких коричневых птичьих костей. Ни слова не говоря, она неподвижно лежала у стены, как пригоревшая гладильная доска, – и лишь в ее глазных впадинах мерцал далекий, безмолвный, мудрый свет. Во время завтрака в четыре утра тысячу раз Пра, напряженно застыв, сидела во главе самого длинного стола, а ей с помощью пантомимы изображали тосты с красненьким.

Дедушка Том весь вечер только и делал, что отирался в толпе, щекотал молоденьких племянниц, хватал их и мусолил им шеи. При этом чем дальше – тем больше было в его взгляде невыразимого отчаяния. Бедный Дедуля, шутка ли, при такой профессии – и без зубов!

Возле хрустальной чаши для пунша устроили попойку многочисленные юные кузины. Их блестящие оливковые глаза, худые дьявольские лица и кудри цвета бронзы хищно парили над столом с напитками. А едва осязаемые, полудевичьи-полумальчишеские тела норовили сцепиться друг с другом. Пьянка явно переходила в мрачную стадию.

И тогда Лора и Эллен, сами в винном угаре, вместе с Дядей Фраем разыграли салонную драму. Две невинные девушки прогуливаются, как вдруг из-за дерева (Кузина Анна) выходит Вампир (Дядя Фрай). Вампир улыбается Невинным.

А куда это они идут?

Они идут по дорожке, к реке.

А не мог бы он их проводить?

О да, конечно, мог бы, если бы был так любезен.

Он идет с ними – ухмыляясь тайком и время от времени облизывая губы.

И когда он уже совсем готов напасть на одну из них (у реки), Невинные радостно набрасываются на него, сбивают с ног – и высасывают из него всю кровь. Потом они долго хохотали, усевшись на его тушу как на скамейку, – а вместе с ними и все участники Праздника Возвращения.

Ветер сразу стал дуть сильнее, звезды на небе запылали яростнее костров, гомон усилился, танцы ускорились, а пьянство стало более позитивным. Вокруг Тимоти происходила куча интересных вещей, и все надо было услышать и посмотреть. Тьма бурлила, пузырилось, лица перемешивались, исчезали, появлялись снова – и снова уходили. Мама, казалось, была одновременно везде – высокая, грациозная, ужасно красивая. Она то и дело кланялась гостям и убегала дальше, а Отец следил за тем, чтобы все до одной чаши были полны.

Дети играли в гробики. Гробы были поставлены в ряд, а дети должны были ходить вокруг (и Тимоти вместе с ними). Шагать начинали по звуку флейты. Постепенно, один за другим, гробы убирались, и так же, сражаясь за полированные интерьеры, один за другим выбывали участники. Один, два, четыре, шесть, восемь – пока не остался только один гроб. Тимоти осторожно шагнул вокруг него, периодически натываясь на своего Кузена Роби. И вот флейта вновь остановилась. Как суслик в нору, Тимоти нырнул в гроб – и все захлопали.

Чаши с вином вновь были полны.

– Ну, как Лотта?

– Лотта?

– Как, вы не слышали? О, это просто неопишимо!

– А кто такая Лотта, мам?

– Тс-с. Это сестра Дяди Эйнара. У нее тоже крылья. Продолжай, Пол.

– Лотта пролетала над Берлином, и по ней открыли стрельбу, приняв ее за британский самолет.

– Самолет?!

И разом все надутые щеки лопнули, легкие вытолкнули воздух, а руки хлопнули по бедрам. Смех обрушился, как Ниагарский водопад в Пещере Ветра.

– А что с Карлом?

– Вы про малютку Карла, что живет под мостами? Бедняга Карл. Как же он будет жить? Во всей Европе не осталось ни одного целого моста. Все разрушены, все. Если Карл еще жив, то уж точно остался бездомным. Сегодня в Европе беженцев больше, чем смертным кажется на первый взгляд.

– Да что вы говорите? Все мосты? Бедный Карл...

– Ой... Вы слышите?

Все затаили дыхание. Вдалеке городские куранты начали отбивать шесть утра. Праздник подходил к концу.словно по команде, в такт ударам часов, сто голосов затянули песню, которую пели уже лет четыреста, – песню, которую Тимоти не знал и не мог знать. Обнявшись, они

пели и медленно кружились в такт, а где-то в холодной утренней дали городские часы отбивали за ударом удар, пока не смолкли.

Тимоти тоже запел с ними.

Он не знал ни слов, ни мотива, но все равно запел, и все у него выходило на удивление ровно и хорошо – и мелодия, и слова. В конце куплета он посмотрел на лестницу и на закрытую дверь наверху.

– Спасибо, Сеси, – прошептал он.

И прислушался. А потом добавил:

– Да ладно, все нормально, Сеси. Я уже простил тебя. Я же знаю, что это ты.

Он просто расслабился и ничего не делал – а его рот двигался сам по себе, и слова выходили из него чисто и мелодично, в нужное время и в нужном ритме.

Вокруг все шуршали и говорили друг другу «до свидания». Мама и Папа, братья и сестры, страшно счастливые, выстроились у двери, крепко жали всем руки и по очереди целовали каждую уходящую щеку. За открытой дверью было видно небо, которое уже розовело и светлело на востоке. Оттуда веяло холодным ветром.

Тимоти прислушался – голос опять заговорил с ним. Когда он закончил, Тимоти кивнул и сказал:

– Да, Сеси. Конечно, хочу. Спасибо.

И с помощью Сеси стал по очереди переходить в разные тела. Сначала его бросило в тело Дяди Фрая (который стоял, склонившись, у двери и прижимался губами к бледным пальцам Мама), и Тимоти смотрел на нее из его морщинистого лица. Потом Дядя бочком выбрался на улицу, на ветер. Этот ветер подхватил Тимоти и вместе с вихрем осенних листьев унес его и поднял высоко-высоко над домом и утренними холмами. Где-то внизу успел промелькнуть город...

Легкий щелчок – и вот Тимоти уже в другом теле, снова прощается с кем-то у двери. Это оказалось тело Кузена Уильяма.

На этот раз (сидя внутри Кузена Уильяма) Тимоти не вышел из дома, а рассеялся на месте, словно облачко дыма, – и спустя пару секунд уже бежал где-то далеко по проселочной дороге. Глаза его светились красным, на ворсинках меха застыла утренняя изморозь, а мягкие лапы двигались вверх-вниз уверенно и бесшумно. Часто дыша, он вбежал на холм, затем спустился в лощину, после чего кардинально сменил курс...

... Чтобы оказаться в холодных глазных впадинах Дяди Эйнара и выглянуть из его спокойных, веселых глаз. И Эйнар почувствовал в себе крохотное бледное тело Тимоти. Сам почувствовал, оставаясь собой!

– Будь хорошим мальчиком, Тимоти, – сказал он, – еще увидимся, и не раз.

В Дяде Эйнаре Тимоти мчался стремительнее, чем поток унесенных листьев, быстрее, чем волк на проселочной дороге. Он был как крылатая перепончатая стихия и летел так быстро, что внизу, на земле, все расплывалось, а мимо проносились последние утренние звезды. Как камешек во рту у Дяди Эйнара летел Тимоти, хоть ненадолго став участником его невероятного путешествия.

Он вернулся в свое тело.

Крики и смех в доме постепенно стихали. Рассвет уже почти вступил в свои права. Все обнимались, плакали и рассуждали про то, что в этом мире для них остается все меньше места. Что были времена, когда они встречались каждый год, а теперь проходят десятилетия – и никаких взаимодействий.

– Не забудьте, встречаемся в Салеме, в 1970 году! – крикнул кто-то.

Салем. Затуманенный мозг Тимоти попытался осмыслить это слово. Салем – 1970-й. Там будут Дядя Фрай, и Бабушка, и Дедушка, и тысячекратная Прабабушка в своих иссохших

льняных саванах. И Мама, и Папа, и Эллен, и Лора, и Сеси, и Леонард, и Блон, и Сэм, и все остальные. Но будет ли там он сам? Сможет ли он так долго прожить? Доживет ли до этого дня?

И вот с последним порывом стихающего ветра все разом улетели вместе с шарфами и шейными платками. Все. Нет больше ни крылатых млекопитающих, ни увядших листьев, ни скачущих волков, ни оаций победителю, ни шума, ни грохота, ни новых идей, ни полночного безумия.

Мама закрыла дверь. Лора взяла веник.

– Нет уж, – сказала Мама. – Уберемся вечером. Сначала надо поспать.

Отец спустился в подвал, за ним пошли Лора, Блон и Сэм. Эллен поднялась наверх, так же как и Леонард.

Понуриг голову, Тимоти шел через усыпанный гирляндами холл. В большом игровом зеркале он вдруг увидел себя – свое бледное, как у мертвеца, лицо. Он замерз и дрожал от холода.

– Тимоти, – сказала Мама.

Он остановился перед лестницей. Она подошла к нему, дотронулась до его лица.

– Сыночек, – сказала она. – Мы любим тебя. Помни это. Мы все тебя любим. Нам неважно, что ты не такой, как все. Неважно, что когда-нибудь ты нас покинешь, – сказала она и поцеловала его в щеку. – Даже если ты умрешь, твои кости никто не тронет, мы позаботимся об этом. Ты будешь спокойно лежать, а я буду приходить к тебе на каждый канун Всех Святых и поправлять тебе одеяло.

Скрипнула и гулко захлопнулась последняя полированная деревянная дверь.

Дом ответил ей эхом – и все стихло. Где-то вдалеке ветер перевалил через холм, унося последнюю партию черных летучих мышей, которые щебетали, перекликаясь друг с другом и со своим эхом.

Ступенька за ступенькой, Тимоти поднимался по лестнице. В глазах его стояли слезы.

Skeleton Скелет

Поход к врачу назревал уже давно. Мистер Харрис начал бледнеть еще на площадке перед лестницей и продолжил с новой силой, когда, поднявшись на один пролет, увидел стрелку-указатель с именем доктора Берли. Что-то подсказывало ему, что доктор Берли будет не слишком рад его видеть. Это был уже десятый визит за год. С другой стороны, Берли не на что жаловаться – он же платит ему за все обследования!

Завидев мистера Харриса, медсестра как-то по-особому, со значением улыбнулась. После чего на цыпочках подошла к стеклянной двери, открыла ее и просунула внутрь голову. Харрису показалось, что он слышит, как она говорит:

– Угадайте, кто к нам пришел...

И как отзывается ей кислый голос доктора:

– О боже, опять?

Харрис беспокойно сглотнул.

Когда он вошел, доктор Берли слегка прихрюкнул.

– Так-так! Что, опять ноют кости? – Он строго посмотрел на Харриса и поправил очки. – Харрис, дорогой вы наш, мы уже прочесали каждую клеточку вашего организма, применили к вам все уничтожители бактерий, известные науке. По-моему, вы просто излишне мнительны. Покажите мне ваши пальцы. Так-так, слишком много курите. А что с запахом изо рта? Понятно, употребляете слишком много белков. А глаза? Не высыпаетесь! Вывод? Ложитесь вовремя спать, исключите белки и не курите. Все. С вас десять долларов.

Харрис стоял, насупившись.

Доктор оторвался от своих бумаг.

– Вы все еще здесь? Ипохондрик! Теперь одиннадцать долларов.

– Но я хочу знать – почему у меня болят кости? – сказал Харрис.

– Драгоценный вы мой... – Доктор Берли разговаривал с ним, как с ребенком. – У вас бывало когда-нибудь – болит какая-нибудь мышца, а вы продолжаете раздражать, терзать ее, растирать? И чем больше вы ее терзаете, тем становится хуже? А как только вы оставляете вашу мышцу в покое, боль сразу проходит – и становится понятно, что вы сами ее и вызывали. Так вот, дорогой мой, – это именно то, что с вами происходит. Оставьте вы себя в покое. Примите слабительного. И смените обстановку, съездите уже, наконец, в эту поездку в Финикс, о которой вы бредите месяцами. Путешествие точно пойдет вам на пользу!

Пять минут спустя мистер Харрис листал телефонный справочник в аптеке на углу. И то, право, от таких тупых слов, как Берли, сочувствия не дождешься! Водя пальцем по списку СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ЗАБОЛЕВАНИЯМ КОСТЕЙ, он нашел там некоего М. Муниганта. Против его фамилии не значилось ни звания доктора медицины, ни каких-либо других признаков академического образования, зато его кабинет располагался совсем неподалеку. Всего три квартала отсюда, максимум четыре...

Месье Мунигант оказался таким же маленьким и темным, как и его кабинет. И так же, как его кабинет, был насквозь пропитан йодоформом, йодом и еще чем-то непонятным. При этом он оказался очень хорошим слушателем – он слушал глазами, активно демонстрируя появляющиеся в них проблески интереса. Когда он заговорил, то у него обнаружился акцент, а кроме того, выяснилось, что при каждом слове он немного присвистывает, что выдавало несовершенство его зубных протезов. Харрис рассказал ему все.

Мунигант понимающе кивал. Да, он уже сталкивался с подобными случаями. Это кости вашего тела. Обычно человек очень мало знает про свои кости. Да-да, и про кости в целом. Про сам скелет. Случай очень непростой. Здесь можно говорить о дисбалансе, об антипатической координации между душой, плотью и костью. Сложный случай, проникновенно свистел месье Мунигант. Харрис заворуженно слушал. Вот доктор, который понял его болезнь! Психологический, добавил месье Мунигант. Затем проворно подошел к обшарпанной стене, с грохотом обрушил с нее полдюжины рентгеновских снимков и изображений человеческого скелета и принялся показывать их мистеру Харрису, чтобы тот «глубже осознал свою проблему». Указал на одну кость, потом на другую и третью, а еще вот на ту, и вот на эту, и, конечно же, вон ту, а также на ряд других.

Снимки выглядели абсолютно чудовищно. Ощущение гротескного и запредельного ужаса, которое они оставляли, роднило их с картинами Дали. Харрис невольно содрогнулся.

Между тем месье Мунигант продолжил обсуждение. А что, не хотел бы мистер Харрис полечить свои кости?

– Возможно, но... – сказал Харрис.

Извините, месье Мунигант не сможет помочь Харрису, если Харрис сам этого не захочет. Чисто психологически нужно хотеть получить помощь – иначе врач бессилен. А впрочем (месье Мунигант пожал плечами), давайте. Можно «попробовать».

Харрис с открытым ртом лежал на столе. Свет был выключен, шторы задернуты. Месье Мунигант подошел к своему пациенту.

Что-то коснулось языка Харриса.

А потом у него возникло чувство, что из него пытаются вытащить челюстные кости. Они так трещали и хрустели, что одна из картинок на мрачной стене едва не подпрыгнула. Харриса стала колотить дрожь, и его рот непроизвольно захлопнулся.

А! – вскричал месье Мунигант, которому чуть не откусили нос. Ничего не получилось. Ну что ж – значит, сейчас не время. Месье Мунигант поднял шторы. Вид у него был весьма расстроенный. Вот когда мистер Харрис почувствует, что он психологически готов к сотрудничеству, когда мистер Харрис будет *действительно* нуждаться в помощи и доверять месье Муниганту, тогда, возможно, что-нибудь получится (месье Мунигант протянул ему свою крохотную смуглую ручку). Ну, а пока гонорар – всего два доллара. Мистер Харрис должен серьезно подумать. Вот этот рисунок мистер Харрис должен забрать домой и изучить. Чтобы познакомиться со своим телом поближе. Ему следует хорошо знать все по поводу себя. И быть осторожнее. Скелеты – странные и непредсказуемые. Месье Мунигант выразительно сверкнул глазами. Доброго дня, мистер Харрис. О, кстати – а хотите хлебные палочки? Он протянул Харрису банку с длинными твердыми солеными хлебными палочками, тут же сам взял одну и принялся жевать. Знаете ли, жевание хлебных палочек очень помогает... э-э-э... тренироваться. До скорой встречи, мистер Харрис. И мистер Харрис пошел домой.

На следующий день было воскресенье. Утро мистера Харриса началось с того, что он ощутил все возможные виды болей во всех уголках своего тела. Некоторое время он просматривал комиксы, а потом принялся с интересом разглядывать небольшой, но анатомически точный рисунок скелета, который всучил ему месье Мунигант.

Во время обеда его жена Кларисса вывела его из равновесия тем, что начала по очереди хрустеть костяшками своих тонких пальцев. Это было до того невыносимо, что Харрис зажал руками уши и заорал:

– Хватит!

Остаток дня он просидел, запершись в своей комнате. Вечером Кларисса, а с ней еще три дамы, непринужденно болтая и смеясь, играли в бридж в гостиной. А в это время Харрис со все более нарастающим любопытством прощупывал и взвешивал конечности своего тела. Спустя час он резко вскочил и крикнул:

– Кларисса!

Ее тело было так устроено, что она не просто ходила, а будто исполняла на ходу какой-то танец, с легкостью паря над полом (и, кажется, не касаясь даже ворса ковра). Извинившись, она оставила подружек в гостиной, а сама побежала к Харрису. С самым сияющим видом. И увидела своего мужа сидящим в углу комнаты с анатомическим рисунком в руках.

– Господи, ты все еще мучаешь себя? – спросила она. – Ну не надо, милый, прошу тебя.

Она села к нему на колени. Однако на этот раз ее красота не возымела никакого действия. Харрис взвесил на руках ее легкое тело, после чего с озабоченным видом коснулся ее коленной чашечки. Ему показалось, что чашечка под белой глянцевой кожей как-то странно сдвинулась.

– А она так и должна... того? – глухо спросил он.

– Что – так и должна? – засмеялась она, – ты про мою коленку?

– Про коленную чашечку. Она так и должна там... двигаться?

Кларисса обследовала свою чашечку.

– Надо же, и правда – двигается, – удивленно сказала она, – ну и дела. – Она задумалась. – Да нет, ерунда. Ничего она не двигается. По-моему, это просто оптическая иллюзия. А на самом деле это кожа перемещается по кости. А не наоборот. Вот, видишь? – Она продемонстрировала.

– Слава богу, у тебя тоже скользит, – с облегчением вздохнул он, – а то я начал волноваться.

– Насчет чего?

Он похлопал себя по ребрам.

– Ребра. Представляешь, у меня ребра идут не до самого низа – а прямо вот здесь кончаются. А некоторые вообще какие-то странные – как будто торчат в воздухе!

Кларисса сложила руки под изгибом своей маленькой груди.

– Ну, ты даешь. Это же у всех людей ребра заканчиваются вот здесь. А те, коротенькие – это плавающие ребра.

– Понятно, будем надеяться, что они не заплывут куда не надо, – натужно пошутил он.

Он вдруг захотел, чтобы Кларисса ушла. Как она смеет насмехаться над важными открытиями, связанными с его телом?

– Собственно, я уже в порядке, – сказал он, – спасибо, что зашла, дорогая.

– Всегда пожалуйста, – она поцеловала его и потерлась своим маленьким розовым носиком о его.

– Боже правый! – Он коснулся пальцами своего носа, затем ее. – Ты знала, что носовая кость проходит только вот здесь, а весь остальной нос – один сплошной хрящ?

Кларисса поморщила свой хрящ.

– Ну и что такого? – сказала она, уже уходя (вернее, утанцовывая).

Харрис почувствовал, как все впадины и резервуары на его лице заливает волна пота, и весь этот соленый прилив стекает по щекам вниз. Следующими на повестке дня были спинной мозг и позвоночный столб. Он принялся нажимать на свои позвонки – примерно так же, как нажимал на кнопки для вызова посыльных, которые были в его рабочем кабинете. Однако путем нажатия на «кнопки» позвоночника мистеру Харрису удалось вызвать лишь собственные страхи и фобии. Они будто разом выскочили из миллиона дверей в его мозгу с одной только целью – сбить его с толку и напугать. Его позвоночник вдруг показался ему ужасно костлявым. Как только что съеденная рыба на фарфоровой тарелке, от которой остался один скелет. А кроме того, Харрис нащупал там какие-то маленькие круглые бугорки.

– О господи... – От волнения у него начали стучать зубы.

«Боже всемогущий, – подумал он, – как я мог прожить столько лет и ни разу не подумать об этом? Жить и не осознавать, что внутри у тебя находится СКЕЛЕТ! – Он посмотрел на свои пальцы – они подрагивали, как изображение на экране старого кинофильма. – Как это

возможно, что мы всю жизнь воспринимаем себя как должное? И никогда не задаемся вопросами о своем теле и его внутреннем существе?»

Скелет... Для нас это нечто, собранное из белоснежных, твердых сегментов, страшно противное, высохшее, хрупкое, с дырками вместо глаз, с черепом вместо лица и с болтающимися пальцами. Нечто, которое, покачиваясь и дребезжа, висит, прихваченное цепочкой за шею, в затянутых паутиной шкафах. Или валяется в пустыне – успев развалиться на части – гладкие, словно игральные кости!

Он встал и выпрямился – ему не сиделось на месте. Что у меня внутри? Вот здесь, – он схватился за живот. Или здесь, – он схватился за голову. Здесь, в голове – череп. Круглый контейнер, панцирь, за которым прячется электрический студень моего мозга. В нем две большие дырки – как будто по нему выстрелили из двустольного дробовика! Он снабжен костяными гротами и пещерами, перегородками и специальными отделами – для плоти, обоняния, зрения, слуха, мышления! Он обнимает мой мозг со всех сторон, но в нем есть окошки, через которые можно выйти и увидеть внешний мир! Череп...

Ему захотелось ворваться в этот их вечер бриджа и похозяйничать в нем, как лиса в курятнике, разорить его, чтобы карты, как куриные перья, вспорхнули с игального стола и улетели в небо ко всем чертям! Лишь ценой невероятных усилий он уговорил себя отказаться от этой затеи. Ну же, держи себя в руках, ты мужик – или кто? Ну да, на тебя снизошло откровение – так прими его с достоинством, осмыслий, смакуй. А как же СКЕЛЕТ? – вопило его подсознание. Нет, я этого не вынесу... Ничего страшного. Вернее, наоборот. Очень страшно, ужасно и вульгарно. Скелеты – это ужасы из старых замков. Они свисают с тяжелых дубовых балок. Гремят, стучат и брякают, покачиваясь от сквозняков...

– Милый, может, ты выйдешь познакомиться с дамами? – проговорил нежный и звонкий голосок его жены.

Мистер Харрис встал и приосанился – все благодаря СКЕЛЕТУ. Этот внутренний обитатель (можно сказать, захватчик), этот ужас из замка поддерживал его руки, ноги и голову. Странное ощущение, как будто сзади тебя кто-то идет, хотя, по идее, там никого не должно быть. С каждым шагом он все больше осознавал, насколько зависим от этого другого Существа.

– Да, дорогая, я скоро буду, – слабым голосом отозвался он.

А себе самому сказал: «Все, хватит. Соберись. Завтра ты выходишь на работу. А в пятницу едешь в Финикс. А это путь неблизкий. Сотни миль. Ты должен быть в хорошей форме для этой поездки, иначе мистер Креддон не станет вкладывать свои деньги в твой керамический бизнес. Выше голову».

Через пять минут он стоял в окружении дам (представленных как миссис Уизерс, миссис Абблематт и мисс Кирти), у каждой из которых внутри был скелет – что, впрочем, ничуть их не смущало. Ведь природа тщательно скрыла от взгляда все их ключичные кости, бедренные кости и кости голеней – с помощью грудей, бедер и икр соответственно. Той же цели служили сатанинские прически и брови. А также губы (раздутые, словно их только что ужалила пчела), которые... «О БОЖЕ! – вскричал мистер Харрис внутри себя, – когда они разговаривают или едят, то их скелет частично виден и показывает зубы! Как я не замечал этого раньше...»

– Простите... – пробормотал он и выбежал из комнаты – как раз вовремя, чтобы успеть выпростать наружу свой обед в петунии за садовой оградой.

Перед сном, сидя на кровати, пока его жена раздевалась, мистер Харрис тщательно остригал ногти на ногах и руках. Мало того, что это тоже выпирающие из тела части скелета, так они имеют обыкновение агрессивно (и даже с каким-то негодованием) отрастать! Наверное, в процессе остригания он что-нибудь бормотал себе под нос по поводу этой теории, потому что его жена в неглиже скользнула к нему по кровати, недвусмысленно обняла его и, зевая, сказала:

– Ну, милый... Ну, ногти – это же не кость, а всего лишь затвердевшие кожные новообразования.

Харрис с облегчением отбросил ножницы.

– Ты не представляешь, насколько я рад это слышать. Просто гора с плеч. – Он одобрительно посмотрел на спелые изгибы ее тела. – Надеюсь, все люди устроены одинаково?

– Сдается мне, что кто-то у нас законченный ипохондрик, – сказала она, крепче прижимаясь к нему. – Ну что такое случилось? Расскажи мамочке.

– Э-э-э... Что-то такое внутри, – сказал он, – наверное, съел что-нибудь.

На следующее утро (и потом в течение всего дня), сидя в своем офисе в центре города, мистер Харрис то и дело ловил себя на том, что его не устраивают размеры, форма и строение той или иной кости в собственном теле. В десять утра он обратился к мистеру Смитсу с просьбой разрешить ему дотронуться до его локтя. Мистер Смитс разрешил, хотя и нахмурился с подозрением. Когда же после обеда мистер Харрис попросил разрешения дотронуться до лопатки мисс Лорел, то она прикрыла глаза и с кошачьим мурлыканьем немедленно прильнула к нему, решив по ошибке, что он не прочь попробовать и другие ее анатомические деликатесы.

– Мисс Лорел, – осадил ее Харрис, – немедленно прекратите!

Оставшись один, он принялся размышлять о природе своих неврозов. Его психологическое состояние было вполне объяснимо – только что закончилась война, нагрузки на работе, неуверенность в будущем. Давно пора уйти из офиса, завести собственное дело. Его художественный талант вполне очевиден, он всерьез увлекается керамикой и скульптурой. Надо как можно скорее съездить в Аризону и занять денег у мистера Креддона. Тогда он сможет построить печь и открыть свой магазин... Одно лишь тревожило его. Этот его сложный случай. Конечно, хорошо, что он нашел месье Муниганта, который смог его понять и хочет ему помочь. Но он должен справиться с этим сам. Нет, он не пойдет больше ни к месье Муниганту, ни к доктору Берли – разве что его приведут туда силой. А это странное чувство должно пройти само. Он еще долго сидел, глядя в никуда...

Увы, странное чувство чужого присутствия в его теле не прошло. Оно только усилилось.

Во вторник и среду его стало мучить ощущение, что его внешняя дерма, эпидермис, волосы и другие придатки пребывают в плачевном состоянии, в то время как покрытый ими скелет представляет собой гладкую и чистую высокоорганизованную конструкцию. А иногда, при определенном освещении, когда уголки его губ были мрачно опущены в приступе меланхолии, мистеру Харрису казалось, что он видит, как его череп... улыбается ему из-под слоев плоти. Это уж была просто вопиющая наглость!

– Уйди! – кричал ему он. – Слышишь – отстань от меня! Ты что – поймал меня и захватил в плен? Хватит уже сдавливать мне легкие, как тисками! Говорю же тебе, отпусти! – Он задыхался, как будто ребра давили на него изнутри и перехватывали дыхание. – Эй, там же мозг! Перестань его сдавливать! – Страшная головная боль обожгла его мозг, зажатый между костями черепа, как двустворчатый моллюск. – О, нет! Только не мои жизненно важные органы! Умоляю, не трогай мои органы, ради бога! Не приближайся к моему сердцу!

Ему показалось, что его сердце замерло и сжалось, почувствовав близость ребер. А ребра, как бледные пауки, присели, напрыгнули и принялись теребить добычу. В тот вечер Кларисса ушла на собрание Красного Креста, и он, весь взмокший от пота, лежал на кровати один.

Снова и снова он пытался собраться с мыслями, ища аргументы в споре между его несовершенной внешней оболочкой и тем холодным кальцинированным, безупречно симметричным образованием, что было у него внутри.

Итак, лицо: жирная кожа и тревожные складки.

И (для сравнения) то, что под ним, а именно – безупречное белоснежное совершенство черепа.

Нос: явно слишком большой.

Особенно если посмотреть, какими миниатюрными и изящными были носовые косточки – до того, как над ними вырос этот чудовищный хоботовидный хрящ.

Теперь тело: ну разве не очевидно, что оно толстовато?

То ли дело скелет – вот где истинная стройность и грация, скупость линий и чистота контура. Он словно вышел из-под резца восточного мастера по слоновой кости. Он совершенен и тонок, как тростник.

Наконец, глаза. Тусклые, выпуклые, ничего не выражающие.

А теперь взгляните на глазницы черепа, эти круглые черные озера – глубокие, мрачные, тихие, вечные и всезнающие. Сколько бы вы в них ни заглядывали, вы все равно не доберетесь до дна их темных глубин. Вся ирония, весь садизм, вся жизнь, все всего вообще – таится в этой сумрачной тьме.

Сравните... Сравните... Сравните...

В этих бесконечных сравнениях Харрис проводил часы, фонтанируя потоками красноречия. И все это время скелет, этот костлявый философ, тихо и торжественно, не говоря ни слова, висел внутри Харриса, как хрупкое насекомое внутри куколки, терпеливо ждущее своего часа.

В какой-то момент Харриса вдруг осенило.

– Минуточку-минуточку!.. – воскликнул он. – Ты же в сущности беспомощен. Это я тобой двигаю. Я могу заставить тебя делать все, что захочу! И ты не отвертись! Скажу я тебе – а ну-ка, подними запястья, пястные кости и фаланги, и они сразу – хоп! – поднимаются, и я кому-нибудь машу! – Харрис хохотнул. – А прикажу двигаться малоберцовой кости и бедренной кости, и что? Ать-два, ать-два! Добро пожаловать прогуляться по району!⁵ Так-то! – Харрис ухмыльнулся. – И это честный поединок. На равных. Один на один. В конце концов, я – та часть, которая думает! – Это был триумф, ему хотелось запомнить это ощущение. – Да, черт возьми, да. Я – та часть, которая думает. Даже если бы тебя у меня не было, думать-то я все равно бы смог!

И в ту же секунду его голову пронзила боль. Как будто в ответ на это дерзкое заявление Харриса у него внутри разбух череп.

Поездку в Финикс в конце недели пришлось отложить по состоянию здоровья. Взвешиваясь на дешевых весах, Харрис обнаружил, что красная стрелка поползла лишь до семидесяти че-тырех.

У него вырвался стон.

– Я не весил меньше восьмидесяти последние десять лет! Не мог же я похудеть сразу на шесть килограммов...

Он осмотрел свои щеки в засиженном мухами зеркале, и его охватил леденящий первобытный ужас.

– Постой-постой... Кажется, я понял, к чему ты клонишь... Каков гусь! – Он погрозил пальцем своему костлявому лицу, точнее, его верхней и нижней челюстям, черепной коробке и шейным позвонкам. – Надеешься уморить меня голодом, чтобы я исхудал? Красивая победа, ничего не скажешь. Вычищаешь мякоть – и от меня остаются только кожа да кости. Угробить меня, значит, захотел, чтоб править самому? Нет уж, не выйдет!

Харрис метнулся в кафетерий.

⁵ Не исключено, что здесь присутствует аллюзия на песню Let's Take A Walk Around The Block («Ну а пока прогуляемся по району») – шлягер из бродвейского мюзикла «Жизнь начинается в 8:40» (1934): «Когда-нибудь мы поедем туда, / Где новые земли и новые лица. / В тот день, когда мы перестанем работать от звонка до звонка, / Будущее покажется нам светлым, / Ну а пока – давай прогуляемся по району». – Прим. пер.

Он заказал индейку, соус, картофельное пюре, четыре салата, три десерта... но очень быстро обнаружил, что не может есть. Его тошнило. Тогда он решил есть через силу. В ответ на это у него началась зубная боль.

– Что – зубки заболели? – злобно уточнил он. – Ну-ну. Так вот, я все равно буду есть, независимо от того, что вздумается делать моим зубам – будут ли они стучать, лязгать, расшатываться или вообще выпадут и свалятся в тарелку с подливкой.

У него болела голова, прерывалось дыхание из-за давления в груди, в зубах пульсировала боль – и все же ему удалось вырвать одну маленькую победу. Уже почти собравшись выпить молоко, он вдруг остановился и... вылил его в вазу с настурциями.

– Фигушки тебе, а не кальций, костистый мой. Отныне – никакого кальция. Больше не притронусь к продуктам, содержащим кальций и всякие там минералы для укрепления костей. Буду есть для одного из нас, а не для обоих.

– Шестьдесят восемь килограмм, – сказал он жене на следующей неделе, – ты заметила, как я изменился?

– Изменился к лучшему, – сказала Кларисса, – ты всегда был немного толстоват для своего роста, милый, – она провела рукой по его подбородку. – Так мне нравится больше. Помоему, тебе очень идет, линии лица стали такие твердые, сильные...

– Но это не мои линии, а его, черт возьми! Ты хочешь сказать, что он тебе нравится больше, чем я? – искренне возмутился Харрис.

– Он? Кто это – он?

Харрис увидел, как за спиной у Клариссы, в зеркале гостиной, его череп ехидно улыбнулся в ответ на гримасу ненависти и отчаяния, которую скроила его плоть.

В ярости он забросил в рот горсть солодовых таблеток. Это был один из способов набора веса, если нельзя употреблять другие продукты. И Кларисса заметила, что он принимает солод.

– Но, дорогой, если ты хочешь набрать вес для меня, то это совершенно ни к чему, – сказала она.

«Да заткнешься ты уже или нет!» – едва не сорвалось с языка у Харриса.

Она подошла к нему, села и уложила его рядом так, что его голова оказалась у нее на коленях.

– Милый, – сказала она, – ну я же все вижу. Тебе стало намного хуже. Ты ничего не говоришь, но со стороны все равно заметно, как ты мучаешься. К вечеру просто падаешь с ног. Может, тебе сходить к психиатру? Хотя, мне кажется, я знаю наперед все, что он тебе скажет. Я уже давно догадалась по всяким мелочам – прости, но они выдают тебя с головой. Знаешь, я могу сказать тебе только одно: ты и твой скелет – это по сути одно и то же, единая неделимая нация, со свободой и справедливостью для всех. Как говорится, вместе устоим, поодиночке – падём⁶. Если вы со скелетом не сможете наладить друг с другом приятельские отношения, а будете грызться, как пожилая супружеская чета, то придется тебе опять идти к доктору Берли. Но для начала тебе надо просто успокоиться. Ты попал в порочный круг: чем больше ты волнуешься – тем сильнее тебя беспокоят твои кости, и наоборот, чем сильнее тебя беспокоят кости – тем больше ты волнуешься. А в конечном-то итоге, кто все-таки первый начал эту борьбу – ты или та анонимная сущность, которая, как ты считаешь, прячется за твоим пищеварительным трактом?

Харрис закрыл глаза.

– Я, – сказал он, – это я все начал. Боже, милая, я так люблю тебя.

– Тебе надо отдохнуть, – мягко сказала она, – отдохнуть и забыться.

⁶ Английская поговорка (изначально – цитата из басни легендарного древнегреческого поэта-баснописца Эзопа «Лев и четыре быка»), ставшая знаменитой благодаря речи президента США Абрама Линкольна в 1858 году в защиту единства нации (United we stand, divided we fall). – *Прим. пер.*

Примерно полдня мистер Харрис чувствовал прилив бодрости, но потом опять сдулся. Он с удовольствием считал бы все это плодом воображения, но беда в том, что сам скелет, судя по всему, считал по-другому и жаждал продолжить схватку.

К вечеру Харрис не выдержал и отправился к мсье Муниганту. После получаса блужданий он наконец нашел здание со стеклянной табличкой, на которой старинной полустертой золотой вязью было начертано имя месье Муниганта. И ровно в этот момент его кости, казалось, попытались сорваться со своих насиженных мест, но не успели и взорвались прямо там – так, что его чуть не разорвало на куски от боли. Слезы брызнули у него из глаз и совершенно закрыли видимость. Боль была такой сильной, что его как будто отбросило от этого места. Когда он снова открыл глаза, он стоял уже где-то за углом, откуда кабинет месье Муниганта не было видно.

И боль сразу же ушла!

Месье Мунигант был тем человеком, который ему помог. Обещал помочь! Судя по тому, что один вид его имени, написанного позолоченными буквами, вызвал столь бурную реакцию внутри тела Харриса, это означало, что мсье Мунигант – тот, кто действительно может ему помочь. Но, видимо, это произойдет не сегодня. Сколько ни пытался Харрис вновь приблизиться к зданию с табличкой, всякий раз разрушительная боль не давала ему это сделать. В конце концов, окончательно вспотев, он сдался и, пошатываясь, отправился в ближайший коктейль-бар для передышки.

Проходя через полутемный зал коктейль-бара, он вдруг подумал о месье Муниганте – а не он ли и заварил всю эту кашу? Это же он первым завел разговоры о скелете и указал на его психологическое воздействие! Может, месье Мунигант использует его для какой-то гнусной цели? Господи, да какой еще цели? Смешно даже подозревать его в этом. Какой-то докторишка. С хлебными палочками. Он просто хотел помочь. Да нет, вздор. Месье Мунигант ни при чем.

В коктейль-баре его ждало зрелище, вселяющее надежду. Крупный мужчина у стойки, практически шарообразного вида, стоял и заглатывал одну кружку пива за другой. Вот же он, успешный пример. Харрису хотелось подойти и, хлопнув толстяка по плечу, выпросить у него, как ему удалось так ловко избавиться от костей. Да... Скелет толстяка был упакован просто роскошно. Тут были и жировые подушки, и упругие выпуклости, и огромная каскадная люстра жира под подбородком. Бедняжка скелет затерялся в них глубоко и навсегда – ему явно не светило вырваться из этой ворвани⁷. Возможно, когда-нибудь он и пытался, но был полностью разгромлен – не осталось даже намека на то, что внутри толстяка имеется костный каркас.

Снедаемый завистью, Харрис подошел к толстяку – и словно бы оказался носом к носу с океанским лайнером. Заказав выпивку, он выпил и только тогда осмелился к нему обратиться:

– Гормоны?

– Ты меня спрашиваешь? – отозвался толстяк.

– Или специальная диета? – продолжил Харрис. – Я дико извиняюсь, но, вы понимаете, у меня кое-какие проблемы. Никак не получается набрать вес. А мне бы хотелось иметь такой же живот, как у вас. Скажите, вы вырастили его, потому что чего-то боялись?

– Ты пьян, – объявил толстяк, – но я люблю пьяниц. – Он заказал себе еще.

– Ладно, слушай, – сказал толстяк, – так и быть, расскажу. Вот это... – он взял в руки свой огромный живот, как будто это был глобус для изучения гастрономической географии, – ...я растил лет двадцать с самой юности, слой за слоем. Нет, я не член клуба любителей еды по

⁷ Ворвань – устаревший термин, которым называли жидкий жир, добываемый из сала морских млекопитающих (китов, тюленей, белух, моржей, дельфинов), а также белого медведя и рыб. Сейчас вместо него употребляется термин «жир» – китовый жир, тюлений жир, тресковый жир и т. д. – *Прим. пер.*

ночам, как ты мог бы подумать. Моя лавка чудес открывается не раньше рассвета. Весь фокус в том, что я всегда относился к своим внутренним органам так же, как хозяева относятся к домашним питомцам. Растил и пестовал их, как породистых кошек и собак. Желудок – это у меня такой толстый розовый персидский кот, который, когда не спит, горазд урчать, мяукать, рычать и требовать шоколадных лакомств. Я всегда кормлю его вовремя, и он уже почти выучил команду «сидеть». А кишки, ясное дело, – змеи. Самые что ни на есть чистокровные индийские анаконды. Упругие, гладкие, холеные – кровь с молоком. И всех своих питомцев я содержу по высшему разряду. Что же касается «чего-то боялся»... Ну, да. Можно сказать и так.

Тут они оба взяли еще по одному пиву.

– Хочешь набрать вес? – спросил толстяк, смакуя на языке каждое слово. – Элементарно. Заведи себе вечно орущую стерву-жену и в придачу к ней чертову уйму родственников, которые непрерывно делают из мухи слона и высасывают проблемы из пальца. Добавь к этому щепотку деловых партнеров, главная цель которых – украсть у тебя твой несчастный последний фунт, и вот ты уже на полпути к полноте. Хочешь знать, как это работает? Да очень просто. Ты даже глазом не успеешь моргнуть, как начнешь подсознательно накапливать жировую прослойку – чтобы хоть как-то защититься от всей этой братии. Строить такое эпидермальное буферное государство. Возводить клеточную стенку. А еще через какое-то время ты поймешь, что еда – это единственное развлечение на земле. Вот и все. Главное – чтоб были внешние источники для беспокойства. Когда беспокоиться не о чем, человек начинает грызть сам себя – оттого и худеет. И наоборот: чем более гадкие и противные люди вокруг тебя – тем скорее у тебя появится заветный жирок!

С этими словами толстяк, сопя и пошатываясь, вывалился из бара в темноту ночи.

– А ведь доктор Берли говорил мне примерно то же самое, – вслух произнес Харрис, – просто в другой форме. Он прав, мне надо ехать в Финикс, немедленно...

Дорога из Лос-Анджелеса в Финикс была настоящим испытанием: чтобы добраться туда, он должен был пересечь пустыню под палящими лучами солнца. Движение здесь почти отсутствовало, можно было проехать километры и не встретить ни одной машины. Пальцы Харриса судорожно елозили по рулю. Неважно, даст ему Креддон из Финикса денег, чтоб открыть бизнес, или нет – в любом случае уехать и немного встряхнуться будет полезно.

Машина ползла по горячему коридору пустынного ветра. Один мистер Х. сидел внутри другого мистера Х. Но вспотели, кажется, оба. И обоим было несладко.

И вот, на каком-то повороте внутренний мистер Х. внезапно сжал внешнего, того, что из плоти, – и тот дернулся, выпустив на секунду из рук раскаленное колесо руля. Машина съехала с дороги и, нырнув в песок, перевернулась набок.

Наступила ночь, поднялся ветер, а дорога была все такой же пустынной и почти необитаемой. Несколько машин промчались мимо, ничего не заметив в темноте. Мистер Харрис долго лежал без сознания, но потом его разбудил порыв пустынного ветра. Песок крошечными иголками впился ему в щеки, и он открыл глаза.

Все утро глаза его бессмысленно блуждали каждый по своей орбите, а сам он в бреду вновь и вновь съезжал с дороги в кювет. В полдень он переполз в негустую тень от куста. Солнце вонзилось в него острым лезвием меча, проникая до самых костей. Стервятник уже кружил.

Пересохшие губы Харриса слабо приоткрылись.

– Значит, все? – всхлипнул он, глядя перед собой красными глазами. – Неважно как – сломаешь ты меня, выгонишь вон, заморишь голодом или жаждой, – в любом случае ты меня убьешь. – Сухая пыль лезла ему в рот, забивалась в щетину на щеках. – Солнце выпарит мою плоть, чтобы ты смог выглянуть из нее. Стервятники доедят меня на обед и на завтрак – и тогда ты будешь лежать тут один, похожий на выцветший ксилофон, и ухмыляться своей победной

ухмылочкой. И стервятники будут играть на тебе свою странную птичью музыку. Все как ты хотел. Свобода.

Земля дрожала и пузырилась под прямыми солнечными лучами. Он шел, спотыкался, падал плашмя и лежал, досыта накормленный голубым спиртовым пламенем прямо из его устьев. Этим пламенем было охвачено все вокруг, и стервятники, планируя и кружась, поджаривались на нем до блестящей корочки. В голове стучало. Финикс. Дорога. Машина. Вода. Спасение.

– Эй! – раздался чей-то голос в голубом спиртовом пламени.

Мистер Харрис приподнялся.

– Эй! – окрик повторился.

Послышались быстрые шаги. С возгласом невероятного облегчения Харрис встал на ноги – и сразу же упал в объятия какого-то человека в форме и со значком...

Сначала ему долго и нудно вытаскивали машину, потом еще столько же чинили, в итоге до Финикса Харрис добрался почти в невменяемом состоянии. Сделка в большей степени напоминала пантомиму без слов, чем деловую встречу. Да, он получил ссуду, и даже деньги на руки, но не испытал по этому поводу никакой радости. Проклятая Тварь торчала внутри него, как холодный белый меч в ножнах, парализуя все его желания. Из-за нее он не мог думать о бизнесе, его не радовала еда, тварь посягнула на его любовь к Клариссе, а теперь он стал еще бояться водить машину! Этот инцидент в пустыне окончательно вывел Харриса из себя. «Можно сказать, пробрал до костей», – криво ухмыляясь, пошутил бы он, если бы у него оставались силы на юмор. Нет, он должен, должен поставить мерзкую Тварь на место – иначе ему будет не до любви, не до бизнеса, не до любви к бизнесу. Словно издалека Харрис услышал свой голос, благодаривший мистера Креддона за деньги. После этого он развернул машину и пустился в долгий обратный путь. На этот раз в сторону Сан-Диего – чтобы не проезжать через пустыню между Эль-Сентро и Бомонтом. Лучше уж на север и вдоль побережья. Пустыне он больше не доверял. Но расслабляться не стоило! На пляже за Лагуной шипели и грохотали соленые волны. Между прочим, песок, рыбы и ракообразные чистят кости не хуже стервятников. Так что полегче на поворотах в зоне прибой.

Нет, в случае чего – только кремация. Так они хотя бы сгорят оба. Никаких кладбищ и погребений – эти ползучие козявки в земле не едят кости, а только обгладывают их! Нет уж, они сгорят вместе... Господи, что он несет! Это точно болезнь. Но куда с этим обращаться? Кто может ему помочь? Кларисса? Берли? Мунингант, специалист по костям? Ну да, Мунингант. Точно?

– Привет! – воскликнула Кларисса и так страстно поцеловала его, что он содрогнулся от близости ее твердых зубов и челюстей.

– Привет, – промямлил он, весь дрожа, – и вытер губы запястьем.

– Ты еще больше похудел. Ну, как сделка – все получилось?

– Ну, да. Вроде бы. Да... – сказал он.

Кларисса пришла в восторг. И поцеловала его еще раз. Проклятье! Из-за этой паранойи он теперь не получал удовольствия от поцелуев. Дальше был долгий, ненатурально веселый ужин, во время которого Кларисса хохотала и старалась его подбодрить.

Харрис то и дело поглядывал на телефон, несколько раз даже снимал трубку, но, подержав в руке, клал на место.

Вошла жена, на ходу надевая пальто и шляпу.

– Извини, бутуз, но мне надо идти! – со смехом проговорила она и слегка ущипнула его за щеку, – ну не грусти! Я только схожу часа на три в Красный Крест – и вернусь. А ты пока ляг, поспи. Ну, прости, милый, мне очень надо.

Когда Кларисса ушла, Харрис дрожащей рукой набрал номер телефона.

– Месье Мунигант?

После того как трубка вернулась на рычаг, с телом Харриса начало твориться что-то невообразимое. Его тошнило, ломало, бросало то в холод, то в жар, а боли в костях были такие, что он не смог бы представить их даже в кошмарном сне. Он проглотил весь аспирин, который смог найти, пытаясь предотвратить очередной приступ. И все равно, когда через час раздался наконец звонок в дверь, Харрис лежал и не мог пошевелиться. Слезы текли у него по щекам, он тяжело дышал и выглядел таким слабым и измученным, как будто побывал на дыбе.

А вдруг там закрыто, и тогда месье Мунигант уйдет?

– Войдите, – с трудом выдохнул он, – прошу вас, входите!

Месье Мунигант вошел. Какое счастье, что дверь не заперта. Боже мой, мистер Харрис, вы ужасно выглядите. Месье Мунигант стоял в центре гостиной, все такой же темный и маленький. Харрис кивнул ему. И в ту же секунду его пронзила боль со всеми ее отбойными молотками и железными крючьями. Месье Мунигант увидел проступающие через кожу кости Харриса, и глаза его заблестели. Ну вот, теперь у него нет сомнений, что мистер Харрис психологически готов к помощи. Так ведь? Глотая слезы, Харрис слабо кивнул. Месье Мунигант все так же присвистывал, когда говорил, – кажется, этот свист был как-то связан с его языком. Но это еще бог с ним. Сквозь дрожащие веки Харрис увидел (или ему показалось?), что месье Мунигант... еще сильнее уменьшился в размерах. Да нет, конечно, показалось. Всхлипывая, Харрис принялся рассказывать о своей поездке в Финикс. Месье Мунигант сочувственно кивал. Какой же гнусный предатель этот скелет! Но ничего. Они разберутся с ним раз и навсегда!

– Мистер Мунигант, – еле слышно выдохнул Харрис, – раньше я этого не замечал, но у вас какой-то очень странный язык – трубочкой. Наверное, померещилось. Не обращайте внимания. Я немного в бреду. Но я готов. Что мне делать?

Месье Мунигант одобрительно присвистнул и подошел ближе. Он будет признателен, если мистер Харрис расслабится в своем кресле и откроет рот. Свет должен быть выключен. Так. Харрис открыл челюсть, и месье Мунигант стал вглядываться к нему внутрь. Шире, пожалуйста. В тот первый визит Харрису было трудно помочь, потому что этому сопротивлялись и его тело, и его кость. Сейчас тело этого человека готово к сотрудничеству – капризничает только скелет. В темноте голос месье Муниганта становился тоньше, тоньше, и еще тоньше, и еще... Свист тоже стал высоким и пронзительным. Так. Расслабляемся. Мистер Харрис. НАЧАЛИ!

Челюсти Харриса были с силой разжаты, язык придавлен, как ложкой, а в горло что-то забилося. Ему стало тяжело дышать. Послышался свист – и Харрис перестал дышать совсем! Его как будто заткнули пробкой. Потом внутри что-то задергалось, в результате чего его щеки вывернулись наизнанку. Его рот был разорван! Что-то горячее разом брызнуло в его носовые пазухи, а затем лязгнуло в ушах...

– А-а-а-а! – задыхаясь, закричал Харрис.

Затем были раздроблены его головные панцири, и голова безвольно повисла. Страшная боль прострелила его легкие – и на мгновение он снова смог дышать.

Его глаза, утопающие в слезах, широко раскрылись. Харрис закричал. В это время у него внутри рассыпались ребра – как будто игрок в бирюльки сжал и отпустил собранный в руке пучок палок⁸. Боль с новой силой пронзила его! Харрис упал на пол и стал кататься по нему, пытаясь дышать.

⁸ Имеется в виду настольная игра pick-up sticks, известная с вариациями в разных странах (бирюльки, микадо и т. д.): перед началом один из игроков произвольно роняет связку палочек или других предметов, чтобы они образовали запутанную кучу. Затем игроки должны по одной вынимать палки из кучи, стараясь при этом не задеть другие. Цель игры – вытащить как можно больше палок. – *Прим. пер.*

В его бессмысленных, ничего не видящих глазных яблоках мелькали вспышки света, при этом он чувствовал, как его конечности с помощью чьих-то умелых манипуляций быстро освобождаются от своего содержимого и безвольно обвисают. Из всех сил он напряг зрение и разглядел гостиную.

В ней было пусто!

– Месье Мунигант? Где вы? Ради всего святого, где вы, месье Мунигант? Помогите мне!

Месье Муниганта нигде не было.

– Помогите!

А потом он кое-что услышал.

Это были странные и неправдоподобные звуки, исходящие из самых глубин его телесного существа. Там что-то причмокивало, выкручивалось и отламывалось, с хрустом откусывалось и жадно принималось – как будто где-то, в красной кровавой тьме, поселилась маленькая голодная мышь и принялась неистово (и очень умело) грызть, судя по звуку, нечто вроде затопленной древесины. Но это была не древесина...

С высоко поднятой головой Кларисса шагала по дорожке к своему дому на Сент-Джеймс, погруженная в мысли о Красном Кресте и еще о куче всего. Повернув за угол, она чуть не столкнулась с каким-то маленьким темным человечком, от которого пахло йодом.

Кларисса не обратила бы на него внимания, если бы, поравнявшись с ней, он не достал из своего пальто какую-то длинную белую штуку, до боли что-то напоминающую, и не принялся сосать ее, как мятный леденец. Одним концом он засунул ее себе в рот, при этом его феноменальный язык, проскользнув прямо внутрь белой конфеты, высасывал оттуда начинку и блаженно причмокивал. Он все еще хрустел своим лакомством, когда Кларисса подошла к своей двери, повернула ручку и вошла.

– Милый? – позвала она, с улыбкой оглядываясь кругом. – Милый, ты где?

Захлопнув входную дверь, она через холл прошла в гостиную.

– Милый...

Секунд двадцать она молча смотрела на пол, пытаясь понять, что там.

Потом закричала.

А в это время на улице, в черной тени платана, темный человечек сделал в длинной белой штучке несколько дырочек, а затем, еле слышно вдохнув и собрав губы, сыграл на импровизированном инструменте короткий грустный мотив, в качестве сопровождения к страшному и пронзительному вокалу Клариссы, которая стояла в гостиной.

В детстве, бегая по песку на пляже, Кларисса тысячу раз наступала на медуз и вскрикивала. В какой-то степени она была подготовлена к тому, чтобы наткнуться на желеобразную медузу в своей гостиной. Надо просто с нее сойти.

Но, черт возьми, когда медуза окликает тебя по имени...

The Jar Банка

Это была просто такая штука в банке – из тех, что передвижной цирк возит по маленьким городкам и показывает за деньги, разбив шатер где-нибудь на отшибе. Бледная гадость, которая плавает в спиртовом растворе и смотрит на тебя своими мертвыми глазками, но так ничего и не видит. Она прибыла к вечеру вместе с темнотой, стрекотом кузнечиков и стонами болотных лягушек. Это была такая штука в банке, что посмотришь – и желудок сразу сжимается, как будто ты увидел отрезанную руку в баке для медицинских отходов.

Чарли долго на нее глазел.

И все это время его большие грубые руки, покрытые сверху островками волос, сжимали веревку, натянутую от любопытных. Свои десять центов он заплатил – можно и поглазеть.

Стемнело. Было слышно, как с ленивым скрежетом останавливается карусель, как по ту сторону брезента, дымя сигарами и изредка переругиваясь, установщики шатра играют в покер. Вскоре фонари погасли, и бродячий цирк потонул в летнем сумраке. Люди кучками и цепочками потянулись по домам. Где-то щелкнуло радио – и сразу стихло, оставив усеянное звездами небо Луизианы в полном покое и безмолвии.

У Чарли прямо мир клином сошелся на этой бледной штуковине, запечатанной в сыворотке. Даже челюсть отвисла от удивления, так что было видно зубы и розовую изнанку рта. В глазах застыла смесь недоумения и восторга.

Кто-то подошел к нему сзади из темноты – кто-то небольшой, в сравнении с его исполинским ростом.

– Ну что, брат, – сказал он, заходя в свет лампочки. – Так и стоишь?

– Угу, – промычал Чарли, недовольный тем, что его отвлекли.

Хозяин цирка уродцев счел любопытство Чарли вполне уместным.

– Он многим нравится, – сказал он, кивнув на обитателя банки, как на своего старого знакомого, – ну в хорошем смысле, я хочу сказать.

Чарли потерял свой мощный подбородок.

– А вы никогда не думали ее продать?

Хозяин крикнул и на секунду вытаращил глаза.

– Продать? – сказал он. – Не, про это я не думал. Она же приводит мне клиентов. Народ любит поглазеть на такое. Не, продать не думал.

У Чарли вырвался вздох разочарования.

– Ну, разве что... – прикинул в уме хозяин, – если б попался какой-нибудь парниша с деньгами, тогда, может, и подумал бы.

– И за сколько?

– Ну, скажем, если б парниша дал... – Хозяин цирка прищурился и начал загибать пальцы, одновременно наблюдая за реакцией Чарли на каждый загнутый палец. – Скажем, если б парниша дал три... четыре... или, к примеру, семь... восемь...

На все эти перечисления Чарли выжидающе кивал. Глядя на это, хозяин цирка продолжал повышать сумму:

– Ну, там, десять... пятнадцать долларов...

Тут Чарли обеспокоенно нахмурился. И хозяин цирка сразу дал отступного.

– А если бы у парниши было, скажем, двенадцать долларов? – с ухмылкой поинтересовался Чарли.

– Ну, тогда бы он точно смог купить эту штуковину в банке, – вынес свою резолюцию хозяин цирка.

– Надо же, – сказал Чарли, – а у меня в джинсах как раз завалилось ровно двенадцать долларов. Негоже возвращаться в лошину Уайлдерс с пустыми руками. Я как раз подумывал притащить домой что-нибудь этакое, вроде вашей штуковины. Поставлю на полку над письменным столом. Дружкам покажу – пусть знают, с кем имеют дело.

– Ну, ты, того, это... – сказал хозяин цирка.

Продажа совершилась, и банка была поставлена на заднее сиденье фургона Чарли. При виде ее лошадь забила копытами и заржала. А хозяин цирка вздохнул с некоторой долей облегчения.

– Вообще-то, она мне уже вот где, эта банка, – сказал он, – глаза бы мои на нее не смотрели. Так что не благодари. И вообще, в последнее время мне такое лезет в голову. Про эту банку. Ну, да ты не слушай меня, мало ли чего я там брешу. Бывай, фермер!

Чарли уехал. Голубые лампочки ярмарки погасли, словно звезды, и повозка с лошастью погрузилась в темную луизианскую ночь. Потом стихли и лязгающие звуки карусели. Остались только Чарли, лошадь, мерно стучащая копытами, и кузнечики.

Ну и банка сзади, за спинкой сиденья.

От качки жидкость в ней хлюпала и выплескивалась через край. А холодное серое существо, сонно прильнув к стеклу, все выглядывало, выглядывало, но так ничего и не видело. Ничего-ничего...

Чарли протянул руку назад, чтобы погладить крышку. Обратно к нему вернулась уже совсем другая рука: от пальцев пахло выпивкой, они дрожали от холода и от избытка чувств. При этом сам Чарли прямо-таки светился от счастья. Есть, сэр!

Хлюп, хлюп, хлюп...

Лощина Уайлдерс встретила его пылью, подсвеченной гирляндами зеленых и кроваво-красных фонариков. Последние освещали мужичков, которые, сбившись в стайку перед зданием магазина, оскверняли его территорию громким пением и плевыми.

По скрипу колес они, конечно, догадались, что это едет Чарли, но когда фургон затормозил, даже не повернули свои плешивые черепашки в его сторону. Только мигали светлячками сигар да квакали, как лягушки в летнюю ночь.

– Привет, Клем! Привет, Милт! – нетерпеливо крикнул Чарли, склонившись к ним всем корпусом.

– А-а, Чарли. Смотрите-ка, Чарли, – промямлили они в ответ.

Но Чарли решил вырубить назревающий политический конфликт прямо на корню.

– У меня тут есть кое-что! – крикнул он. – Кое-что такое, что вам точно понравится!

Под навесом у входа в магазин блеснули подсвеченные зеленым светом глаза Тома Кармоди.

Чарли казалось, что Том Кармоди, как животное, обитает в каких-то определенных местах, а именно – под навесами, в густой тени деревьев, а если в помещении, то в самых темных его закоулках. Сидит там в темноте – и посматривает. Что у него там на лице в этот момент – не разглядеть, зато от глаз никуда не спрячешься – они так и ждут, чтобы поднять тебя на смех. И каждый раз он придумывает что-нибудь новенькое.

– Нет у тебя там ничего, что нам понравится, ты, ушлепок!

У Чарли сам собой сжался ворсистый на костяшках кулак.

– А вот и есть! Какая-то непонятная фигня в банке, – продолжил он. – То ли чьи-то мозги, то ли маринованный волк, то ли... А вот сами идите, тогда и увидите!

Щелчком стряхнув с сигары розовый пепел, кто-то из мужичков лениво подошел посмотреть. Чарли с важным видом приподнял крышку банки, и в тусклом свете фонаря стало видно, как доброволец переменился в лице.

– Мать моя, что это?

Это была первая оттепель. Следом за мужичком с трудом, но все же поднялись остальные. Их тут же повело, однако за счет гравитации им кое-как удалось начать ходьбу. В сущности, они не делали для этого никаких усилий – просто в нужный момент подставляли ногу в ту сторону, куда их клонило, уберегая свои бесценные лица от столкновения с землей.

Когда они обступили банку с таинственным содержимым, Чарли вдруг впервые в жизни решился прибегнуть к некоей стратегии – и со стеклянным звоном захлопнул крышку.

– Кто хочет увидеть больше, приходите ко мне домой! Эта штука будет там, – великодушно заявил он.

– Ха! – громко сплюнув, отозвался из своего орлиного гнезда под навесом Том Кармоди.

– А ну, дай еще разок гляну! – выкрикнул старик Медноу. – Никак мозг?

Чарли взмахнул поводьями, и лошадь рванула с места.

– Нет уж, будьте добры ко мне!

– А что скажет твоя жена?

– Да она отбивные из нас сделает!

Но Чарли вместе с повозкой уже скрылся за холмом. А мужички остались стоять, жуя языки и шурясь ему вслед. Даже Том Кармоди выругался сквозь зубы под своим навесом...

Вознося банку к себе на крыльцо, чтобы поставить ее на тронное место в гостиной, Чарли не сомневался, что с этого момента его лачуга станет дворцом. Не кто-нибудь, а действующий король висел теперь неподвижно в водах своего частного бассейна – торжественно поднятого и установленного на полку над тщедушным столом. Банка была единственным предметом, нарушающим серое однообразие, которое царило в этом мирке на краю болота.

– Что это у тебя там? – Драматическое сопрано Теди прервало поток его восхищения.

Она стояла в дверях спальни – худая, в линялом платье в бело-голубую клетку, с волосами, зачесанными за красноватые уши и собранными в бесцветный пучок. Глаза у нее были такие же полинявшие, как и ее платье.

– Ну и? – повторила она. – Что это?

– А на что похоже, по-твоему?

Теди сделала маленький шагок, и ее бедро качнулось вбок, словно маятник. Взгляд ее был прикован к банке, рот приоткрылся, обнажив кошачьи молочные зубы.

Там, в сыворотке, висела какая-то бледная мертвечина.

Теди бросила блекло-голубой взгляд сначала на Чарли, потом снова на банку, потом еще раз на Чарли и еще раз на банку, после чего покачнулась и схватилась за стену.

– На что... На тебя! – хрипло выкрикнула она и хлопнула дверью спальни.

Содержимое сосуда никак не отреагировало на этот удар. Чего нельзя сказать о Чарли. Тоскливо глядя ей вслед, он вытянулся так, что у него едва не свело шею, а его сердце заколотилось как бешеное.

Когда сердце немного улеглось, Чарли высказал все, что у него накопилось, существу в банке:

– Работашь, работашь, бляха-муха, рвешь задницу весь год... А она забирает деньги и сбегает домой. Торчит там, у родителей, по три месяца. И я никак не могу ее удержать! Все потешаются надо мной – и она, и парни из магазина. А что я могу поделывать, если у меня не получается ее удержать? Я пытался повлиять на нее. Да ведь ее ничем не проймешь. Сколько ни пытайся!

Содержимое банки философски промолчало, удержавшись от каких-либо советов.

– Чарли?

Кто-то стоял у входной двери. Вздвогнув, Чарли обернулся – и на его губах заиграла довольная ухмылка.

Это были парни из компашки у магазина.

– Э-э-э... Чарли, – сказали они, – мы тут подумали и пришли посмотреть, что у тебя там в банке.

Июль был теплым, за ним пришел август.

Впервые за много лет Чарли почувствовал себя счастливым. Так чувствует себя кукуруза, которая после долгой засухи наконец-то пошла в рост. По вечерам он радовался, как ребенок, заслышав первый шорох сапог по траве. Потом слышались звуки плевков – это мужики сплевывали в канаву, прежде чем ступить к нему на крыльцо. За плевками шел скрип ступенек под тяжестью грузных тел. И наконец – жалобный скрип всего дома, означавший, что кто-то навалился плечом на косяк и сейчас спросит, насколько вытирает рот волосатой рукой:

– К вам можно?

И тогда Чарли с нарочитой небрежностью пригласит прибывших войти. Проходите, мол, стульев хватит на всех, а если нет, так у нас есть ящики из-под мыла, да можно и на ковер присесть. К тому времени, когда вечер наполняется стрекотом кузнечиков (который они производят трением своих ножек) и ором лягушек (которые, когда поют, раздувают горло и похожи на дамочек с зобом), комната уже бывает набита людьми со всей окрестной низины.

Поначалу никто не разговаривает. Первые полчаса вечера народ еще продолжает приходить и занимать места. Обычно это время уходило у них на тщательное скручивание сигарет. Аккуратно закладывая табак в бороздки коричневой бумаги, набивая и утрамбовывая, они как будто набивали, утрамбовывали и крутили между пальцев все свои мысли, страхи и недоумения по поводу предстоящего вечера. Табак давал им время, чтобы подумать. Было прямо видно, как внутри, у них за глазами, работает мозг, пока быстрые пальцы делают самокрутки.

Это было что-то вроде доморощенного церковного схода. Все пришли – и просто сидят, прислонившись к оштукатуренным стенам, и то один, то другой с благоговейным трепетом поглядывают на банку на полке.

Нет, не открыто, не в упор. Это было бы непочтительно. Так, украдкой, невзначай. Ну, как будто они просто осматривают комнату. Всякого старья же тут полно – мало ли на что упадет взгляд.

Ну, и понятно, чисто случайно все взгляды падают на одно и то же место. Проходит совсем немного времени, и уже все глаза в комнате прикованы к этому месту – как булавки, которые кто-то воткнул в некую воображаемую подушечку для булавок. И в полной тишине кто-нибудь сосет кукурузный початок. А если дети, не дай бог, возьмутся топтать босыми ногами по крыльцу – так на них тут же шикнет чей-нибудь женский голос: «А ну, кыш отсюда, мелюзга! Кыш!» И босые ноги с булькающим смехом убегают пугать лягушек.

Чарли (конечно же) сидел впереди всех и чинно покачивался в кресле-качалке с клетчатой подушкой под костлявым задом, наслаждаясь славой и ростом себя в собственных глазах, которые пришли к нему с приобретением банки.

Теди же толкалась в дальнем конце комнаты вместе с другими женами, которые сбились в пучок, как серенькие морковки, в качестве приложений к своим мужьям.

У Теди был такой вид, будто она сейчас лопнет от зависти. Но она лишь молча смотрела на то, как люди набиваются в ее гостиную и садятся у ног Чарли, чтобы пялиться на этот Святой Грааль местного пошиба. Ее губы были тверды, как семисуточный бетон, и за все время она не перекинулась ни с кем не единым словом.

И вот, решив, что приличествующее моменту время тишины соблюдено, кто-нибудь, ну, скажем, старик Медноу с Крик-роуд, начинает прочищать от мокроты свою древнюю, как пещера, глотку. Затем он подается всем телом вперед, пытается унять дрожь в мозолистых пальцах, прищуривается и смачивает языком губы.

Это сигнал для всех, чтоб подготовились к предстоящему разговору. Прочистили уши. Угнездились, как свиньи в теплой грязи после дождя.

Некоторое время старик просто смотрит, облизывая губы длинным, словно у ящерицы, языком. Потом откидывается немного назад и извлекает из своего худого длинного тела тощий стариковский тенорок:

– Вот я все думаю и думаю – что это за штука такая? Это «он» – или это «она»? А может, такой у нее возраст, что уже и не разобрать? Иной раз проснусь ночью – не спится. Я и давай цинковку свою кукурузную крутить, а сам все время про эту банку думаю – как она тут, в темноте. И про штуковину, которая в жиже плавает. Вроде как устрица, цвет уж больно похож, – а вроде и нет... А другой раз Мо разбужу, тогда мы вместе думаем...

Старик говорил, а его трясущиеся руки будто показывали пантомиму: большие пальцы рисовали в воздухе узоры, а остальные, такие же грубые и с толстыми ногтями, колыхались вверх-вниз, словно опахала. И все следили за их траекторией.

– Вот, лежим мы, думаем... – продолжал он, – а самих дрожь берет. Ночи летом жаркие, аж деревья потеют. Комар и тот не летает от жары. А мы дрожим. Крутимся с боку на бок, а спать не получается...

Старик замолчал, давая понять, что у него все. И что он передает слово еще кому-нибудь, кто хочет поведать о своем удивлении и благоговейном страхе перед необъяснимым.

И тогда Джук Мармер с Иовой топи, обтерев об коленки потные ладони, осторожно начинает:

– Помню, я еще был сопливым мальчишкой. И у нас была кошка, которая все время приносила котят. Господь свидетель – каждый раз, когда она исхитрилась перепрыгнуть через забор, случался новый помет... – Джук был сама праведность, кротость и добросердечность. – Обычно мы раздавали котят, но тот помет был уже ни в какие рамки – у всех в округе уже жило по одному нашему котенку, а у кого-то и по два. И мамаша моя на заднем крыльце стала налаживать здоровенную банку с водой. Доверху налила – помню, еще стекло на солнце так красиво играло... И говорит: «Джук, придется тебе утопить этих котят!» Помню, я стою, а котята вокруг меня ползают, мяукают... Такие маленькие, слепые, беспомощные... Хорошенькие такие, у них и глазки уже начали открываться. Я на мамашу смотрю и говорю: «Нет-нет, только не я! Давай ты сама!» А мамаша побледнела вся и говорит, что нет, надо, чтоб я сам это сделал, потому что больше некому. И ушла, вроде ей надо помешать подливку и перевернуть курицу. Взял я котенка в руки. Держу его, а он такой теплый весь и мяукает... Убежать хотелось, далеко-далеко – и не возвращаться...

Джук опустил голову, потом снова поднял – глаза у него блестели. За одну секунду он словно сбросил годы и оказался в прошлом, взгляделся в него, навел резкость – и теперь ваял его молотом и резцом слов, и шлифовал языком.

– Я бросил котенка в воду, – сказал он, – котенок закрыл глаза и открыл пасть, он еще пытался дышать... Эти маленькие белые клычки – я прямо вижу их. И розовый язычок, а от него пузырьки наверх поднимаются! До конца своих дней я это не забуду. И как потом тот котенок плавал там, в банке, когда уже было все кончено. Он кружился, как будто в водовороте, только очень медленно. И смотрел на меня так, как будто он не осуждает меня за то, что я сделал. Но он все понимал... – Джук всхлипнул.

Сердца забились быстрее. Все переводили взгляды с Джука на стоящую на полке банку, потом снова на него, и опять на банку... Так зрители на теннисном турнире следят за игрой в ожидании очередного острого момента.

Пауза была недолгой.

Джаду, темнокожий парень с Цаплина болота, словно жонглер, подбросил свои глаза кверху, так что на его смуглом лице сверкнули цвета слоновой кости белки. А потом переплел темные костяшки пальцев и будто раздавил ими горсть кузнечиков.

– Знаете, чего это? Знаете? Это середина Жизни. Точно вам говорю. Это она. Господи, поверь мне, что это она... – Джаду стал раскачиваться, как будто он был одиноким деревом на

болоте и вокруг него поднялся невидимый и неведомый никому ветер, при этом его глазные яблоки поплыли куда-то по кругу, окончательно снявшись с якорей. – Та самая, которая оттуда, из Бамбуковой топи. Из которой вся живая тварь выползла... – Его голос словно пронизывал пространство комнаты иглой с черной нитью, и эта игла, добираясь до всех по очереди, цепляла их за мочки ушей и сшивала в один затаивший дыхание узор. – Сначала выпятилась ручка, потом выпятилась ножка, потом вылез язык и рог – и выросло... вот это мелкое, как его... амеба! А из него – лягушка с надутым горлом. А потом – хоп! – Он снова хрустнул костяшками пальцев. – Горстка слизи поднялась вверх на шарнирах из соплей – и стал уже ЧЕЛОВЕК! Венец творенья! Верьте мне. Это мамка наша с Бамбуковой середины. От нее мы все произошли. Десять тысяч лет назад!

– Десять тысяч лет! – повторила за ним старуха Карнация⁹.

– Возраст большой! Вон, смотрите. Ничего уже ей не надо, все ей тлен и суета. Плавает себе и плавает, как свиная отбивная в жиру. И глаз у ней не моргает, не горит, вроде как она ничего не видит... Как бы не так, не видит! Все она видит, все ей ведомо, и побольше нашего. Поди, знает, что все мы из нее вышли, в нее же и вернемся!

– А какого цвета у нее глаза?

– Серые.

– Да нет, зеленые!

– А волос какой? Русский?

– Черный волос, черный!

– Рыжий!

– Нет, седой!

Потом слово берет Чарли. Говорил он всегда медленно, на ходу подбирая слова. В какие-то вечера повторял то, что уже говорил раньше, в какие-то – нет. Но это было неважно. Летом можно хоть каждый вечер рассказывать одно и то же – и всякий раз оно будет звучать по-разному. Потому что кузнечики по-другому стрекочут. Лягушки по-другому орут. Даже штука в банке – тоже каждый раз разная. И Чарли говорит:

– А может быть, это был какой-нибудь старик или ребенок. Зашел далеко в болото. Заплутал. И пока бродил по всяким гаям, трясинам и оврагам, ночевал в сырости – от холода весь и побелел. Сморщился, кожа задубела. Слабнуть стал, ввиду отсутствия солнца. Был все слабже и слабже, а потом так ослаб, что в какую-нибудь яму провалился и лежал там, в таком, как бы это, в растворе, ну, в котором личинки комара спят, ну, в жидкости... А так если подумать – это же мог и знакомый какой-нибудь человек быть. Может, мы с ним когда-то разговаривали, общались. Всякое ведь бывает...

В темном женском углу зашептались. Там стояла, сверкая черными глазами, какая-то женщина, которой явно было что сказать. Ее звали миссис Тридден.

– Бывает... Да вы хоть знаете, сколько малышни каждый год убегает в болото, – сказала она, – убегают прямо голенькими – и не возвращаются. Я сама там чуть не заблудилась. Я там... я там потеряла своего маленького сыночка Фоли. Вы... Вам НИКОГДА ЭТОГО НЕ ПОНЯТЬ!!

Кажется, все ноздри разом шумно втянули воздух и хватанули еще, пока полностью не вжались. Лицевые мускулы разом выгнули уголки ртов – и они печально поползли вниз. Головы разом повернулись на шеях – длинных и тонких, словно стебли сельдерея. И теперь их глаза жадно считывали весь ее ужас – и всю ее надежду. Миссис Тридден стояла, вытянувшись, словно струна, прижав к стене руки с растопыренными пальцами.

⁹ Карнация – многозначное слово (франц. carnation – телесный цвет, от лат. caro – мясо, плоть, тело), которое одновременно означает: 1) совокупность живописных приемов, применяемых при изображении кожи человека, его лица и обнаженных частей тела; 2) редкое французское женское имя, означает «телесный цвет». В английском варианте carnation – гвоздика, цветок. То есть Carnation – имя (или прозвище), которое одновременно обозначает цветок и содержит корень, который переводится как «плоть» или «мясо». – *Прим. пер.*

– Там мой ребенок, – на выдохе шептала она, – мой малыш. Мой Фоли. Фоли! Фоли, это ты? Фоли! Фоли, скажи мне, мой маленький, скажи мне, что это ТЫ!

Все затаили дыхание и повернулись, чтобы посмотреть на банку.

Существо в банке ничего не ответило. Оно по-прежнему смотрело в толпу ничего не видящим взглядом. И вот, где-то в глубинах их худых тел побежали весенние ручейки тайного страха, теплым соком подтачивая твердый лед размеренной жизни, веры и привычного смирения. Сначала этот лед раскололся надвое, а потом разом стаял – и страх хлынул сплошным потоком!

– Он пошевелился! – выкрикнул кто-то.

– Да не шевелился он. Это просто обман зрения!

– Бог свидетель! – воскликнул Джук. – Я точно это видел – он медленно кружился, как тот мертвый котенок!

– Да уж помолчал бы ты со своим котенком! Эта штука была мертвой, когда ты еще не родился!

– Нет! Он подал знак! – кричала миссис Тридден, женщина-мать. – Это мой ребенок, мой Фоли! Мой малыш, ты здесь! Ему было три года! Это мой ребенок, просто он потерялся в болоте и стал белого цвета! – Из ее груди вырвались рыдания.

– Ну, будет, будет, миссис Тридден. Сейчас мы сядем. Вот так. И возьмем себя в руки. Что делать, ну нету больше – ни вашего ребенка, ни моего. Ну, все, все... – Одна из женщин обняла ее и держала до тех пор, пока рыдания не превратились в прерывистые вздохи, от которых губы миссис Тридден вздрагивали, как крылья вспугнутой бабочки.

Когда все стихло, старуха Карнация засосала поглубже свою трубку и, не выпуская ее изо рта, принялась говорить. При этом она качала головой, так что ее длинные, до плеч, седые волосы со вставленным в них увядшим розовым цветком то вспыхивали на свету, то снова гасли.

– Пустые разговоры, сотрясание воздуха. Мы никогда не узнаем, что там в ней, в этой банке. Никогда. А если б и узнали, то лучше нам этого не знать... Это как фокус с кроликом в шляпе. Как только узнаешь, в чем там подвох, – сразу пропадает весь интерес. Чувство, как будто ты покопался у этого кролика в кишках... Мы собираемся здесь примерно раз в десять дней, разговариваем, общаемся – и нам всегда есть о чем поговорить, верно? Но если мы выясним наконец, что это за чертова штука, то говорить нам будет не о чем!

– Ах ты, боже мой! Какая беда! – прорычал чей-то голос. – То все говорили ни о чем, а теперь будет – не о чем...

Это был Том Кармоди.

И как всегда, это был Том Кармоди, который прятался в тени. Он стоял на крыльце, заглядывая внутрь – так, что видно было только глаза. И губы – с их неизменной глумливой ухмылкой. Услышав его смех, Чарли вздрогнул, как будто его укусил шершень. Это Теди его подбила, точно. Теди хочет отнять у Чарли его светскую жизнь!

– Ни о чем, – грубо отчеканил Кармоди, – потому что там ничего нет! Это просто пшик, комок тухлых медуз с залива – таких вонючих, что их и собака есть не станет!

– Что – завидно? А, братец Кармоди? – спокойно спросил Чарли.

– Обижаешь! – фыркнул Кармоди. – Просто не мог отказать себе в удовольствии. Где еще увидишь говорящие кипарисовые пеньки¹⁰? Заметь, внутрь я ни разу не заходил. Вдруг это заразно? Ладно, ладно, ухожу. Кто-нибудь со мной? Нет? Присоединяйтесь...

¹⁰ Одна из достопримечательностей штата Луизиана – кипарисовые болота, на которых прямо из воды растут так называемые лысые кипарисы. Помимо стволов, эти деревья имеют отростки, напоминающие пеньки, которые растут прямо из корней дерева и называются «коленами кипариса». – *Прим. пер.*

Никто из присутствующих не выказал такого желания. И это вызвало у Кармоди новый приступ смеха. Весь его вид словно говорил: черт возьми, ну как это возможно, чтобы в одном месте собралось столько беспробудных идиотов? А в дальнем конце комнаты стояла Теди, и больше всего она была похожа на хищника, который выпустил когти. Чарли даже боялся на нее смотреть.

Все еще смеясь, Кармоди протопал по крыльцу каблуками своих сапог – и стрекот кузнечиков поглотил его.

Старуха Карнация прикрыла пальцем свою трубку.

– Вернемся к тому, что я говорила перед тем, как налетел этот ураган. Зачем нам думать, что эта штука на полке – что-то одно или что-то другое? Когда мы можем думать, что эта штука – и то и другое вместе и много всего еще? Мы можем говорить, что она – символ.

– Символ?

– Да. Символ. Символ всех дней и всех ночей в сухих зарослях тростника. Зачем нам выбирать что-то одно? А вдруг в ней есть много больше?

Разговор затянулся еще на час. И за это время... Теди сбежала в ночь следом за Томом Кармоди! Чарли прошиб пот. Эти двое явно что-то замыслили. У них явно был какой-то план. Остаток вечера Чарли просто утопал в поту...

Сход закончился поздно, и Чарли со смешанным чувством отправился спать. Сход его, безусловно, порадовал, чего нельзя было сказать о Теди с Томом Кармоди.

Уже совсем за полночь, в час, когда на небо слетаются стайки звезд, Чарли услышал шорох высокой травы, раздвигаемой маятниковым качанием ее бедер. И тихий стук каблуков – по крыльцу, в дом, в спальню.

Теди беззвучно легла в постель и лежала, глядя на него своими кошачьими глазами. Он не видел их в темноте, но чувствовал, как они на него смотрят.

– Чарли?

Он выждал время. Потом сказал:

– Я не сплю.

Она тоже выждала.

– Чарли?

– Что?

– Угадай, где я была. Угадай-ка... Угадай... – глумливо полусказала-полупропела она.

Он снова выждал время. Потом выждала она. Но надолго ее не хватило, и она сдалась:

– Я была... на карнавале в Кейп-Сити! Том Кармоди подвез меня туда. И мы, если хочешь знать, поговорили с хозяином цирка. Да-да, Чарли! Мы с ним поговорили!

Ее так и распирало от победного ликования. Чарли похолодел и невольно приподнялся на локте.

– И мы выяснили, что там в твоей банке, – сладким голосом закончила она.

Чарли перевернулся на другой бок и закрыл уши руками.

– Я не хочу это слышать!

– Ну, нет. Так не пойдет. Ты должен это услышать, Чарли. Это отличная история. Тебе точно понравится, – словно змея, прошипела она.

– Уходи, – сказал он.

– Ну-ну-ну! Зачем же так, Чарли? Радость моя. Сперва я расскажу!

– Уходи, – резко сказал он, – совсем уходи.

– Нет уж, ты послушай! Мы поговорили с хозяином цирка, и он чуть не умер со смеху, когда рассказывал нам про эту банку. Как он продал ее вместе со всей требухой какому-то... провинциальному дурачку. За двенадцать долларов! Притом что она не стоила и больше двух!

И у нее изо рта, прямо в темноту, вырвался смех – самый гадкий, который только можно себе представить. После этого она перешла на визг.

– Мусор! Ау! Чарли! В ней просто мусор! Жидкая резина, папье-маше, кусочки ткани, химикаты! А внутри – металлический каркас! И это все! Ты понимаешь, Чарли? Все! – торжествующе провизжала она.

– Нет! Нет! – Чарли вскочил и своими мощными пальцами с диким ревом разорвал надвое простыню, на щеках у него блеснули слезы. – Я не хочу это слышать! Не хочу это слышать! – снова и снова кричал он.

Но Теди продолжала его дразнить:

– погоди, скоро все узнают, что это подделка! Вот посмеемся! Думаю, тебе будут аплодировать стоя!

Чарли схватил ее за оба запястья.

– Но ты ведь им не скажешь?

– Эй! Мне больно!

– Ты им не скажешь.

– По-твоему, я должна всем врать, да?

Он бросил ее запястья, как слепой, прозревший, отбрасывает белую трость.

– Да пошла ты к черту! Тварь! Ты просто завидуешь мне! Тебя всегда бесило все, что я делаю! А эта банка просто сбита с тебя корона! И теперь ты прямо спать не можешь, хочешь опять все сломать!

Теди засмеялась тем самым гаденьким смешком.

– Ладно, ладно, не буду, – сказала она.

Чарли снова схватил ее – как будто схватил суть всего, что произошло.

– А мне уже без разницы, – выкрикнул он, – расскажешь ты им или нет! Это уже не имеет никакого значения. Все равно все испорчено. Так хорошо, как мне было здесь, мне уже не будет никогда. Ты испортила мне все, слышишь? Ты и этот Том Кармоди. Он всегда насмехался надо мной. Его невозможно было заткнуть! Ну же, давай! Иди, рассказывай всем, веселись, твоя взяла!

Чарли бросился к банке, схватил ее – так, что она едва не расплескалась, и уже хотел швырнуть ее на пол... Но в последний момент остановился и бережно, дрожащими руками поставил ее на хлипкий стол. Он стоял, склонившись над банкой, и тихо плакал. Если он ее потеряет – в мире для него ничего не останется. Теди он уже потерял. С каждым месяцем она все сильнее отдалялась от него, только и делала, что мучила его и дразнила. Ее бедра были маятником, который отсчитывал время его жизни... Но, оказывается, не он один сверял время по этим часам. Были и другие. Том Кармоди, например.

Теди стояла и ждала, когда он разобьет банку. Но вместо этого Чарли стал гладить банку рукой. Он гладил ее – и на глазах успокаивался. Он думал о чудесных долгих вечерах, которые так радовали его весь прошедший месяц, – вечерах, наполненных духом товарищества. Об этих разговорах, переползающих из одного угла комнаты в другой. Это было все, что у него осталось. Ну хотя бы это – раз уж другого нет...

Он медленно повернулся к Теди. К Теди, которая была потеряна для него навсегда.

– Теди, ты ведь не ездила ни на какой карнавал.

– Ездила.

– Ты врешь, – тихо сказал он.

– Нет, не вру!

– В этой банке точно что-то есть. Что-то еще, кроме хлама, про который ты говорила. Слишком много людей верят, что в ней что-то есть. Теди. Ты не сможешь это изменить. Хозяин цирка, если вы правда с ним говорили, – он солгал вам...

Чарли сделал глубокий вдох и сказал:

– Иди сюда, Теди.

– Ну что тебе еще? – угрюмо спросила она.

– Подойди сюда.
– Не подойду.
Он сделал шаг к ней.
– Иди сюда.
– Отойди от меня, Чарли.
– Я просто хочу тебе кое-что показать, Теди. – Его голос звучал тихо, мягко и настойчиво. – Ну же, иди... Кыс-кыс-кыс-кыс-кыс! КЫС-КЫС!

Был вечер, примерно через неделю после этого. Пришли старик Медноу и старуха Карнация, за ними молодежь – Джук, миссис Тридден и темнокожий парень Джаду. А следом заскрипели стульями и все остальные – как говорится, и стар, и млад, и сват, и брат. Все со своими мыслями, надеждами, страхами и поводами для удивления. На святыню никто не смотрит, все только шепотом здороваются с Чарли.

Все ждали, пока соберутся остальные. По блеску глаз можно было понять, что каждый видит в банке что-то свое. Либо из жизни, либо из бледного отражения жизни, либо из жизни, которая в смерти, либо – и из смерти, которая в жизни... Здесь у всех были свои истории, свои роли и свои слова в них. Знакомые и такие старые, что уже почти новые.

Чарли сидел один.

– Привет, Чарли... – спросил кто-то, оглядев комнату и заглянув в пустую спальню. – А где же твоя жена? Что, опять уехала к родителям?

– Да, опять сбежала в Теннесси. Через пару недель вернется. Вы же знаете Теди. Она вечно норовит улизнуть из дому.

– Это да. Кто-кто, а уж она любит погулять...

Когда все расселись и стих ровный гул голосов, из темноты под навесом крыльца вдруг сверкнули чьи-то глаза. Это был Том Кармоди – Том Кармоди, у которого подгибаются и дрожат колени, а трясущиеся руки безвольно висят по бокам. Том Кармоди, который стоит за дверью, вглядывается внутрь и не решается войти. Том Кармоди, у которого открыт рот, но при этом он не ухмыляется. Да, у него просто слюнявый и обвисший в уголках рот – и никакой ухмылки. Да и лицо – белее мела, как будто по нему как следует пнули ботинком.

Взглянув на банку, старик откашлялся и сказал:

– Какая четкость сегодня. Раньше так не было. Прямо видно, что глаза голубые.

– Да у ней всегда были голубые глаза, – сказала старуха Карнация.

– Не скажи... – проскрипел старик, – в последний раз, как мы собирались, глаза были карие. – Он мигнул, кивнув на банку. – Да и волос другой – русый какой-то. Раньше вроде не русый был!

– И правда! – охнула миссис Тридден. – Другой!

– Никакой не другой!

Том Кармоди, который смотрит на банку во все глаза, и, несмотря на летний вечер, его начинает трясти.

Чарли, который бросает в сторону банки рассеянный взгляд и небрежно закуривает. У него все просто отлично – и в жизни, и в мыслях. В душе его царят мир и покой. Никто, кроме Тома Кармоди, не видит в банке того, чего там не было раньше. Все видят только то, что они хотят увидеть. И их мысли шуршат по комнате частым дождем:

«Это мой ребенок! Мой крохотный малыш!» – вопит мысль миссис Тридден.

«Кажись, мозг!» – думает старик.

За ним темнокожий парень хрустнет костяшками пальцев: «Это мамка наша с Бамбуковой середины!»

Какой-то рыбак посмотрит, поджав губы: «Медуза!»

«Котенок! Кыс-кыс-кыс!» – с плеском упадет мысль в череп Джуга. – Котенок!»

«И так далее, и тому подобное!» – гаркнет старая, вся покрытая морщинами, мысль старухи, – «ночь, болото, смерть, скользкие бледные морские твари!»

Они помолчали. Потом старик сказал:

– А все-таки, интересно – это он или она? Или так, не пойми чего?

Чарли удовлетворенно качнулся в своем кресле, помял в пальцах сигарету, поднес ее ко рту. И посмотрел на Тома Кармоди. Который уже больше никогда не будет усмехаться, стоя в дверях.

– Сдается мне, что мы никогда этого не узнаем, – сказал он, – да, что-то мне подсказывает. Что не узнаем. – Он усмехнулся.

Это была просто такая штука в банке – из тех, что передвижной цирк возит по маленьким городкам и показывает за деньги, разбив шатер где-нибудь на отшибе. Бледная гадость, которая плавает в спиртовом растворе и смотрит на тебя своими мертвыми глазками, но так ничего и не видит...

The Lake Озеро

Небо уменьшили до моего размера и бросили его над озером Мичиган. Добавили туда несколько орущих детей с мячами, прыгающими по желтому песку, парочку чаек, ворчащую маму – и меня, который, пытается вырваться из мокрой волны, придя к выводу, что мир стал слишком мутным и водянистым.

Я выбежал на берег.

Мама вытерла меня пушистым полотенцем.

– Стой там и сушишь, – сказала она.

Я стоял «там» – и смотрел, как солнце по очереди слизывает с моих рук водяные бусинки. И как мое тело заменяет их крупными мурашками.

– Ну и ветрище, – сказала мама, – надень свитер.

– Сейчас, только посмотрю на мурашки, – сказал я.

– Гарольд, – сказала мама.

Я надел свитер и стал смотреть, как волны поднимаются и обрушиваются на берег. Они не просто обрушивались. Они старались сделать это с особой зеленой грацией. Даже пьяный не смог бы рухнуть на песок так грациозно, как эти волны.

Был сентябрь. Самый его конец, когда уже совсем грустно, причем без всяких причин. И берег был такой огромный и пустынный, и на нем не больше шести человек. Даже дети не хотели больше гонять мяч. Этот ветер со своим свистом навевал на них тоску. Они просто сидели и смотрели, как по бескрайнему берегу гуляет осень.

Как один за другим заколачивают свежими досками киоски с хот-догами, запечатывая внутри горчичные, луковые и мясные запахи, которые радовали нас все лето. Как будто заколачивают гробы. Крышку за крышкой, дверь за дверью. А дальше прилетает ветер и ворошит песок. Он уже сдул все следы, оставленные миллионами ног в июле и в августе. Сейчас (в сентябре) здесь были только следы от моих теннисных туфель и от ног Дональда и Делауса Шабольд. В самом низу, у кромки воды.

Над тротуарами, как тюлевые занавески, взлетал песок. Карусель укрыли брезентом, и все лошадки застыли в воздухе на своих латунных шестах, продолжая скалить зубы и мчаться галопом. Теперь музыку им играл ветер, громко просвистывая мелодию сквозь брезент.

А я стоял «там». Все остальные сегодня в школе. А я – нет. И завтра утром я уже буду ехать на поезде – на запад, через Соединенные Штаты. Мы с мамой приехали сюда совсем на чуть-чуть.

И здесь была такая пустыньность, что в ней хотелось побыть одному.

– Мам, можно я побегаю по пляжу? – спросил я.

– Хорошо, только недолго, и не подходи к воде.

Я побежал. Ветер нес меня, под ногами взвивались вихри песка. Знаете, как это бывает: бежишь, раскинув руки, и чувствуешь, как ветер залетает в пальцы, и за тобой будто несется какая-то пелена. Как крылья.

Сидящая мама удалялась все дальше. А потом превратилась в коричневую точку – и я остался один.

Быть одному – это что-то совсем новое для двенадцатилетнего ребенка. Он привык, что вокруг всегда какие-нибудь люди. А один он может побыть только в своем воображении. Их обычно так много – реальных людей, указывающих детям, что и как делать, что приходится сбегать от них на пляж, хотя бы воображаемый. Чтобы побыть там одному в своем собственном мире, со своими крошечными ценностями.

Сейчас я был один по-настоящему.

Я зашел по пояс в воду, чтобы немного остудиться. Когда здесь были толпы людей, я не решался прийти на это место, посмотреть на него, заглянуть в воду. Тем более произнести вслух имя. Только сейчас...

Вода – как фокусник. Который распиливает тебя пополам. Кажется, как будто тебя разрезали пополам, и одна твоя часть, нижняя, сахарная, – тает и растворяется. Ты не можешь просто быть в прохладной воде, об тебя все время спотыкается грациозная волна, которая падает и превращается в белые кружева.

Я выкрикнул ее имя. Я позвал ее раз десять.

– Талли! Талли! Ну, Талли!

Так странно – когда тебе еще мало лет, ты прямо вот по-честному ждешь, что кто-то откликнется на твой зов. Тебе кажется, что все, о чем ты думаешь, может стать реальностью. И иногда это даже случается.

Я думал о Талли – девочке с тоненькими светлыми косичками, которая в мае прошлого года плавала в этой воде, и смеялась, и на ее маленькие двенадцатилетние плечи светило солнце. О том, как на ее месте вдруг стала просто гладкая вода, и в нее прыгнул спасатель, как кричала мама Талли, но Талли так и не вынырнула...

Спасатель пытался уговорить ее выйти обратно, но она не вышла. Когда он вернулся, в узловатых пальцах у него были только куски водорослей, а Талли исчезла. Она больше не будет сидеть напротив меня в школе, гонять мячики по мощеным улицам летними вечерами. Она ушла слишком далеко, и озеро не отпустит ее обратно.

И вот теперь, пустынной осенью, когда есть только огромное небо, и огромная вода, и страшно длинный пляж, я в последний раз зашел в воду, один.

Я звал ее по имени, снова и снова. Талли, ну же, Талли!

Ветер тихонько дул мне в уши – так же, как он дует в устья морских раковин, чтобы в них был шепот. Вода поднималась, обнимала мою грудь, спускалась к коленям... Тянула вверх-вниз, назад-вперед, засасывая в дно мои пятки.

– Талли! Вернись, Талли!

Мне было всего двенадцать. Но я понимаю, насколько сильно я любил ее. Это была любовь, которая выше всех телесных и моральных ценностей. Вроде той, что соединяет в неразлучный союз ветер, море и песок. В нее входило все – наши теплые долгие дни на пляже, и тихое жужжание школьных будней со всей их учебной болтовней, и долгие осенние дни прежних лет, когда я носил из школы домой ее книжки.

Талли!

Я выкрикнул ее имя в последний раз. Меня била дрожь. И эти капли на щеках – я не понял, откуда они там взялись. Брызги от волн не долетали так высоко.

Я вышел из воды на песок и стоял там еще примерно полчаса, надеясь отыскать хоть один промельк, хоть один знак, хоть маленький кусочек Талли на память. А потом опустился на коленки и стал строить замок из песка. Я лепил его очень старательно, так же, как мы их строили обычно с Талли. Но в этот раз на песке была только одна половина замка. Моя. Я встал и сказал:

– Талли, если ты меня слышишь, приходи и дострой остальное.

Я пошел к далекой точке, которая была мамой. В это время вода одну за другой размывала круглые стены песочного замка, постепенно превращая его в мокрый гладкий песок.

Я молча шел вдоль берега.

Вдалеке позвякивала карусель, но это она просто от ветра.

На следующий день я сел на поезд и уехал. У поезда плохая память – все пролетает мимо, ничего не задерживается. Он проезжает и тут же забывает кукурузные поля Иллинойса, реки

детства, мосты, озера, долины, дома, обиды и радости. Он отбрасывает их назад – и они падают куда-то за горизонт.

У меня удлинились кости, я оброс плотью, сменил свой юный ум на более взрослый, выбросил одежду, потому что она мне больше не годилась, прошел все ступени от начальной школы до средней, и дальше – к университетским учебникам и книгам по праву. А потом у меня появилась девушка, в Сакраменто. Какое-то время мы встречались, потом поженились.

Я продолжал изучать право. К двадцати двум годам я почти забыл, как выглядит восток.

Но Маргарет предложила провести в этих краях наш отложенный медовый месяц.

Так же, как и память, поезд работает в обе стороны. Он может вернуть все то, что было оставлено позади много лет назад.

На горизонте появился Лейк-Блафф – город с населением 10 000 человек. Маргарет прекрасно выглядела в своей красивой новой одежде. Но я уже чувствовал, как мой старый мир начинает затягивать меня обратно в свое бытие. И Маргарет заметила это. Все время, пока поезд подъезжал к станции Блафф и вывозили наш багаж, она не выпускала моей руки.

Годы, что они делают с лицами и телами людей... Когда мы шли по городу, мне не встретилось никого, кого бы я узнал. Были лица с какими-то отзвуками. Как эхо в ущельях. Лица, в которых узнаются глупые смешки на уроке где-нибудь в закрытой гимназии, и как они качались на железных качелях и гоняли туда-сюда на роликах. Но я молчал. Я шел и смотрел, и складывал в себя все эти воспоминания, как осенью сгребают листья, чтобы потом сжечь.

В общей сложности мы пробыли там две недели и все места объезжали вместе. Дни были счастливыми. Маргарет была очень любима мной. По крайней мере, мне так казалось.

В один из последних дней нашего пребывания мы гуляли по берегу. Было еще не то время года, как в тот день много лет назад, но на берегу уже появились первые признаки запустения. Толпа поредела, несколько киосков с хот-догами были закрыты и заколочены, а ветер взял дыхание, чтобы исполнить нам свои извечные песнопения.

Я почти как наяву увидел маму, сидящую на песке, как она обычно сидела. И точно так же мне захотелось побыть одному. Но разве я мог сказать об этом Маргарет. Нет, я только держал ее за руку и ждал.

День клонился к закату. Почти все дети разошлись по домам, и только несколько мужчин и женщин нежились в лучах солнца.

К берегу подплыла спасательная лодка. Из нее стал медленно вылезать спасатель, который нес что-то в руках.

Я замер на месте. Затаил дыхание – и вдруг стал маленьким. Мне всего двенадцать, я ужасно мал, просто бесконечно мал, и мне очень страшно. И завывает ветер. И нет никакой Маргарет. Я видел только берег и на нем спасателя, который медленно-медленно выходит из лодки с серым, видно, что не очень тяжелым, мешком в руках, почти таким же, как его серое морщинистое лицо.

– Посиди здесь, Маргарет, – сказал я.

Я не знаю, почему я это сказал.

– Но почему?

– Просто посиди здесь, и все...

Я медленно пошел по песку к месту, где стоял спасатель. Он посмотрел на меня.

– Что это? – спросил я.

Спасатель долго смотрел на меня и не мог говорить. Он поставил серый мешок на песок, вода с шипеньем обступила его и тут же ушла обратно.

– Что это? – еще раз спросил я.

– Погибшая, – тихо сказал спасатель.

Я ждал.

– Это очень странно, – сказал он тихо, – никогда не видел ничего подобного. Она погибла... очень давно.

Я повторил за ним, как эхо.

Он кивнул.

– Я бы сказал, уже лет десять как. В этом году здесь не было ни одного утонувшего ребенка. С 1933 года здесь утонуло двенадцать детей, но их всех нашли, в течение нескольких часов. Всех, кроме одной, я помню. А это тело, как раз, наверное, лет десять пролежало в воде. Зрелище не из приятных.

Я, не отрываясь, смотрел на серый мешок в его руках.

– Откройте, – сказал я.

Не знаю, почему я это сказал. Ветер взвыл еще громче. Спасатель продолжал возиться с мешком.

– Насколько я понял, это девочка, потому что на ней сохранился медальон. Больше ничего сказать не могу.

– Открывайте, скорее! – крикнул я.

– Лучше не стоит, – сказал он.

Но потом, похоже, увидел, что стало (как я думаю) с моим лицом.

– Совсем девчонка...

Он открыл только на чуть-чуть. Но этого хватило.

Пляж был пустынным. Только небо, ветер, вода – и одиноко бредущая осень. Я смотрел на нее. Что-то говорил и повторял опять. Имя. Спасатель смотрел на меня.

– Где вы ее нашли? – спросил я.

– Вниз по пляжу, вон там, на мелководье. Ну, очень, очень долго была в воде...

Я покачал головой.

– Да, долго... Чертовски долго.

Я подумал: «Люди растут. Я вырос. А она не изменилась. Она все так же девочка. Такая же юная. Смерть не дает расти или меняться. У нее все те же золотые волосы. Она всегда будет юной. И я всегда буду любить ее. Да, я всегда буду любить ее. Всегда буду...»

Спасатель завязал мешок обратно.

Через несколько минут я шел один по пляжу. Остановился – и кое-что увидел. «Это как раз то место, где спасатель ее нашел», – сказал я себе.

Там, у самой кромки воды, стоял замок из песка, построенный наполовину. Так же, как мы с Талли обычно их строили. Половину – она, половину – я.

Я посмотрел на него, опустился на колени рядом с песчаным замком и увидел маленькие отпечатки ног, которые приходили из озера и снова уходили в озеро и больше не возвращались.

Тогда я понял.

– Я помогу тебе закончить его, – сказал я.

Так и сделал. Я очень медленно ее строил, вторую часть замка. А потом встал, повернулся и пошел прочь, чтобы не видеть, как он рушится от волн, как рушится все.

И вернулся на пляж, где меня ждала незнакомая женщина по имени Маргарет, ждала и улыбалась...

The Tombstone Надгробие

В качестве вступления была долгая поездка, пыль, которая лезла прямо в ее хрупкие ноздри, и тщедушное тельце Уолтера (это ее муж из Оклахомы¹¹), которое с таким самодовольным видом тряслось на сиденье их «Форда» модели «Т»¹², что аж плюнуть хотелось. А потом они въехали в этот крупный город из кирпича, странный, как старый грех, и разыскали там жилье и его хозяина. Хозяин подвел их к какой-то комнатухе и отпер дверь.

Прямо посередине полупустой комнаты стояло надгробие.

Глаза Леоты сузились, как при виде добычи, она немедленно сделала вид, что задыхается, и ее мысли забегали с дьявольской быстротой. Суеверия и предрассудки – это была та область, которой Уолтер никогда не смел даже касаться, не говоря уже о том, чтобы на нее посягать. Задохнувшись, Леота отпрянула, и Уолтер вперил в нее свои лучистые серые глаза.

– Нет, нет и нет! – громко отчеканила Леота. – Я не собираюсь селиться ни в какие комнаты ни с какими мертвецами!

– Леота! – сказал ее муж.

– Что вы имеете в виду? – удивился хозяин. – Мадам, вы же не...

Леота внутренне улыбнулась. Разумеется, на самом деле она ни во что такое не верила, но это было ее единственное оружие против ее оклахомца, а посему...

– Я имею в виду, что я не буду спать в одной комнате с трупом. Уберите его отсюда!

Уолтер с усталым видом посмотрел на покосившуюся кровать, и Леота порадовалась, что ей удалось ему досадить. Все-таки удобная это штука – суеверия. Она услышала, как хозяин дома сказал:

– Это надгробие из лучшего серого мрамора. Оно принадлежит мистеру Уэтмору.

– А на камне высечено «Уайт», – холодно заметила Леота.

– Разумеется. Это фамилия человека, для которого был сделан камень.

– И он умер? – спросила Леота, выжидая.

Хозяин дома кивнул.

– Ну вот, видите! – воскликнула Леота.

Уолтер издал стон человека, которому не дают приблизиться к счастью обладания жильем.

– Здесь пахнет, как на кладбище, – сказала Леота, наблюдая за тем, как глаза Уолтера разгораются и леденеют одновременно.

Хозяин пояснил:

– Мистер Уэтмор, бывший жилец этой комнаты, был учеником резчика мрамора. Это его первая работа – каждый вечер с семи до десяти он стучал по ней зубилом.

Леота бегло огляделась в поисках мистера Уэтмора.

– И где же он? Он тоже умер? – Ей явно нравилась эта игра.

– Нет, он разочаровался в себе и бросил резать этот камень. Пошел работать на фабрику по производству конвертов.

– Из-за чего?

¹¹ Автор особо подчеркивает происхождение персонажа, поскольку уроженцы штата Оклахома имеют в США определенную репутацию. Его называют «штат проворных». Семья Рэя Брэдбери переехала в Лос-Анджелес в 1934 году (тогда ему было 14 лет), в разгар Великой депрессии, когда многие жители Оклахомы бежали в Калифорнию в поисках работы, поэтому он знал об этом не понаслышке. – *Прим. пер.*

¹² Ford Model T, также известный как «Жестяная Лиззи», – автомобиль, выпускавшийся Ford Motor Company с 1908 по 1927 год, а значит, в 1944 году, когда был написан этот рассказ, был уже, мягко говоря, не новым. – *Прим. пер.*

– Он допустил ошибку. – Хозяин дома постучал пальцем по мраморной надписи. – Здесь написано УАЙТ. А это неправильно. Должно быть Уайет, с буквой Е перед Т. Бедный мистер Уэтмор. Это у него комплекс неполноценности. Из-за одной малюсенькой ошибки сразу сдался и сбежал...

– Это сумасшедший дом! – сказал Уолтер и, повернувшись спиной к Леоте, шваркнул по полу в дверь ржаво-коричневые чемоданы и принялся их распаковывать.

Хозяин дома пожелал продолжить рассказ:

– Да, он легко сдался, этот мистер Уэтмор. Но тут надо понимать – насколько он был обидчив... Знаете, он по утрам процеживал себе кофе, и если проливал хоть одну чайную ложечку – это была катастрофа. Выбрасывал все к чертовой матери – и не пил потом кофе несколько дней! Нет, вы только подумайте! Так вот сильно расстраивался, когда совершал ошибки. Не дай бог, наденет левый ботинок вместо правого – и все, больше уже не переодевает, так и ходит босиком по десять-двенадцать часов, даже утром, когда холодно. Или, например, кто-то ошибся и неправильно написал в письме его имя... Так он такие письма бросал обратно в почтовый ящик – писал на них ЗДЕСЬ ТАКОЙ НЕ ПРОЖИВАЕТ. Да, он был тот еще фрукт, этот мистер Уэтмор!

– Но от этого... кое-что... не стало пахнуть фиалками, – мрачно заметила Леота. – Уолтер, могу я узнать, что ты там делаешь?

– Вешаю твоё шелковое платье в шкаф, если конкретно – красное.

– Не трудись, мы здесь не остаемся.

Хозяин дома хмыкнул, не в силах понять, как женщина может быть настолько тупой.

– Объясняю еще раз. Мистер Уэтмор делал здесь свое домашнее задание. Он нанял грузовик, и сюда привезли вот это надгробие. В тот день я как раз пошел за индейкой в бакалею, а когда шел обратно, услышал, что он уже всюю откалывает мрамор. И такой он гордый был, что я даже не решился ему ничего сказать. Но, видать, сильно загордился – до того, что орфографическую ошибку сделал. И теперь вот сбежал, не сказав ни слова. Аренда у него оплачена до вторника, деньги он возвращать не стал. Но я уже нашел грузчиков с подъемником, обещали быть прямо с утра. Вы ведь не против переночевать с ним здесь одну ночь? Уверен, что нет.

Муж кивнул.

– Ты поняла, Леота? Под этим ковром нет никакого мертвеца.

Он сказал это так высокомерно, что ей хотелось его пнуть. Она не верила ему – и не собиралась верить.

– Вы, – она ткнула пальцем в хозяина дома. – просто хотите получить свои деньги. А тебе, Уолтер, нужна кровать, чтобы бросить на нее свои кости. Вы оба врете с самого начала!

С усталым видом оклахомец расплатился с хозяином, и все это время Леота крутилась у него за спиной. Хозяин не обращал на нее никакого внимания, словно она была невидимкой. Затем он пожелал ей спокойной ночи, Леота выкрикнула ему вслед «Обманщик!», он закрыл дверь и оставил их наедине. Ее муж разделся, лег в постель и сказал:

– Хватит стоять там и глазеть на это надгробие. Выключай свет. Мы ехали четыре дня, меня уже ноги не держат!

Леота туго, крест-накрест сцепила руки на тощей груди, но они все равно дрожали.

– Никто из нас троих, – сказала она, кивнув на камень, – не выспится.

Двадцать минут спустя оклахомец, потревоженный всякими звуками и шевелениями, оторвал от подушки хищное, как у стервятника, лицо – и ошалело моргнул.

– Леота, ты все еще не спишь? Сколько раз тебе еще говорить, чтобы ты выключила свет и шла спать! Чем ты там занимаешься?

То, чем она там занималась, было прямо-таки налицо. Ползая на своих шершавых четвереньках, она установила рядом с надгробием банку со свежесрезанными красными, белыми и розовыми геранями, и еще одну, жестяную, со свежесрезанными розами – у подножия вооб-

ражаемой могилы. На полу лежали ножницы, на которых еще сохранились капли росы после того, как она срезала ими ночью на улице цветы.

Теперь Леота шебуршила по яркому линолеуму и потертому ковру какой-то карликовой метелкой, и при этом молилась – шепотом, чтобы муж не разобрал слов. Поднявшись, она осторожно переступила через могилу, чтобы не осквернить погребенного, и прошла через комнату, держась от этого места как можно дальше.

– Ну вот, дело сделано, – сказала она и, погрузив комнату во тьму, легла на ноющие пружины, которые заныли как раз в унисон с вопросом мужа:

– Господи, какое еще дело?

И Леота, глядя куда-то в темноту, ответила:

– Никто не сможет покоиться с миром, если прямо над ним спят какие-то чужие люди. Я загладила свою вину перед ним, украсила его ложе цветами, а то, мало ли, будет тут греметь костями всю ночь...

Ее муж посмотрел на место, в котором она была расположена в темноте, и не смог придумать ничего путного, что бы сказать ей в ответ. Только выругался, что-то простонал – и погрузился в сон.

Не прошло и получаса, как Леота схватила его за локоть, повернула к себе, чтобы добраться до одного из его ушей, и стала торопливо и зловеще шептать в него, как человек, который кричит в пещеру:

– Уолтер! Проснись, проснись!

Кажется, она собралась заниматься этим всю ночь – просто чтобы испортить его крепкий здоровый сон. Он отпихнул ее.

– Что случилось?

– Мистер Уайт! Мистер Уайт! Призрак!

– О господи, ложись спать!

– Я не шучу! Сам послушай!

Оклахомец прислушался. Из-под линолеума, где-то метрах в двух вниз от этого места, глухо, как сквозь вату, доносился жалобный мужской голос. Слов было не разобрать – лишь скорбные стенания. Оклахомец сел в постели. Уловив его движение, Леота взволнованно прошипела:

– Ты слышал, слышал?

Оклахомец поставил ноги на холодный линолеум. Голос внизу перешел на фальцет. Леота начала всхлипывать.

– Заткнись же, дай послушать, – прикрикнул на нее муж.

Наступила тишина со стуком сердец, и он прислонил ухо к полу.

– Цветы не опрокинь! – проорала Леота.

– Заткнись! – гаркнул он, и снова вслушался в пол.

После чего чертыхнулся и снова влез под одеяло.

– Это просто какой-то мужик внизу, – проворчал он.

– Вот именно. Мистер Уайт!

– Нет, это не мистер Уайт. Мы на втором этаже многоквартирного дома, и у нас есть соседи снизу. Вот послушай. – Фальцет внизу заговорил. – Это жена мужика. Судя по всему, говорит ему, чтобы не заглядывался на чужую жену! Оба наверняка пьяные.

– Не пытайся меня обмануть! – стояла на своем Леота. – Строишь из себя храбреца, а сам дрожишь так, что кровать трясется. Призрак это, точно тебе говорю, и он говорит разными голосами! Как бабка Хэнлон в церкви, которая вечно вскакивает со скамьи и вещает на всяких непонятных языках¹³. Квакает, не поймешь – то ли в нее всякие там африканцы или ирландцы

¹³ Имеется в виду традиция пятидесятничества, одного из протестантских течений христианства, возникшего в начале XX

вселились, то ли тетки внутри собачатся, то ли лягушку проглотила! Это точно тот мертвец, мистер Уайт, он ненавидит нас за то, что мы ворвались к нему ночью, говорю тебе! Послушай!

Словно в подтверждение ее слов, голоса внизу заговорили громче. Лежа на локтях, оклахомец иступленно качал головой – у него не было сил даже смеяться.

Внизу что-то грохнуло.

– Это он шевелится в своем гробу! – закричала Леота. – Он – псих! Нам нужно сваливать отсюда, Уолтер, или завтра нас найдут здесь мертвыми!

Снова грохот, снова стук, снова голоса. Потом – тишина. И следом – какое-то движение ног в воздухе, уже над головами. Леота заныла:

– Он освободился из своей гробницы! Ему удалось выбраться, и он ходит по воздуху над нашими головами!

К этому времени оклахомец уже успел набросить на себя одежду. И, сидя на кровати, надевал ботинки.

– В этом здании три этажа, – сказал он, заправляя рубашку. – У нас есть соседи сверху, они просто вернулись домой.

В ответ на последовавший долгий вой Леоты он сказал:

– Пошли. Я отведу тебя наверх, и ты сама с ними познакомишься. И удостоверись, кто они на самом деле. А потом мы спустимся на первый этаж и поговорим с этим пьяницей и его женой. Вставай же, Леота.

Кто-то постучал в дверь.

Леота завизжала и перевернулась в кровати, превратившись в стеганую мумию.

– Он опять в своей гробнице, стучит, хочет выбраться!

Оклахомец включил свет и отпер дверь. Вошел крайне жизнерадостный маленький человек в темном костюме. У него были голубые глаза, морщины, седые волосы и толстые очки.

– Извините! Извините, – объявил маленький человек, – я мистер Уэтмор. Я уехал. А теперь я вернулся. Мне просто невероятно повезло. Невероятно. Мое надгробие все еще здесь?

Он посмотрел на камень, прежде чем увидел его.

– А-а, ну да! Да... О, здравствуйте. – Он заметил Леоту, которая выглядывала из-под нескольких слоев одеяла. – У меня тут люди с роликовым транспортером, и, если вы не против, мы вывезем отсюда это надгробие, прямо сейчас. Это займет всего минуту.

Муж с благодарностью рассмеялся.

– Буду чертовски рад избавиться от этой штуки. Выкатывайте!

Мистер Уэтмор запустил в комнату двух мускулистых рабочих. Он прямо-таки задыхался от предвкушения.

– Это просто поразительно. Сегодня утром я был потерян, побежден, раздавлен... но случилось чудо. – Надгробие погрузили на небольшой транспортер. – Всего час назад я случайно услышал о некоем мистере Уайте, который только что умер от пневмонии. И это, заметьте, мистер Уайт, который обычный Уайт, без буквы Е. Только что я связался с его женой, и она очень рада, что камень уже готов. А мистер Уайт даже остыть еще не успел за шестьдесят минут, и его фамилия пишется без Е, вы представляете. Боже, я так счастлив!

века в США. Пятидесятники придают особое значение крещению, понимая его как особое духовное переживание, в момент которого на верующего нисходит сила Святого Духа, как на апостолов на пятидесятый день после воскресения Христа. Когда прихожане «наполняются Святым Духом», они часто поднимаются со скамьи, встают и поднимают руки, говоря на (якобы) иностранных языках. Специфическое понимание явления «говорения на иных языках» (глоссолалии) является отличительной особенностью христиан-пятидесятников. – *Прим. пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.